

АНАТОЛИЙ ВАЖЕНИН

В ПЛЕНУ ЛЖИ

РОМАН

Моя жизнь
которая была
подвигами
какие эту жизнь
что не было
ли, которые
люблю тебя
Улыбка моя

Анатолий Важенин

В плену лжи

<https://litres.ru/72293005>

SelfPub; 2025

Аннотация

Роман "В плену лжи" повествует о жизни русской женщины на изломе судьбы. События происходят в 19 веке в России и Франции. С ранних лет Акси́нья, так зовут главную героиню, попала в головокружительные события. Всю жизнь она боролась за себя, натываясь на черствость и жестокость людей, оставаясь при этом честной, искренней и милосердной.

Анатолий Важенин

В плену лжи

Людям ложь вредна, а себе еще вреднее.

Н. Лесков

Стояла невыносимая июльская жара. Солнце, выкатившись в зенит, раскалило все, что существовало на земле. Не спасала даже тень. На небе не было ни одного облачка, и, казалось, что такое пекло будет вечно. В воздухе повисло ма-рево, отчего все живое на земле пребывало в состоянии неги, когда не хотелось даже двигаться. Деревья стояли поникшие, листва на них не колыхалась и свисала к земле, словно прося влаги. А трава от жары выгорела и стала рыжей, редкие цветы удивляли своей красотой: солнечного цвета зверобой, белые нежные выюнки, голубой цикорий, фиолетовые васильки. Все они радовались свету, радовались теплу. Своя особая жизнь была у насекомых: бабочки перелетали с цветка на цветок, хвастаясь своими красивыми крыльями, жуки занимались обычным делом, а вот улитка, примостившись на цветке, радовалась своей тихой и незаметной жизни. А воздух был такой сухой и горячий, что казалось, если вдохнуть его поглубже, то можно обжечь гортань. И вот в эту самую жару в карете, которая неспешно ехала по пыльной дороге, находилась молодая помещица Елизавета Говорова. Она вез-

ла с собой двух дочерей: старшей было пять лет, а младшей три года. Разморенные от жары, которую они переносили с трудом, дети капризничали, постоянно просясь из кареты на волю. Путь их лежал в местную церковь. Муж Елизаветы, отставной офицер Семен Говоров, а ныне владелец двух ткацких фабрик, в последнее время стал раздражительным по причине того, что его жена пребывала в сильном психическом расстройстве. Она швыряла все, что попадалось ей под руку, при этом всегда говорила одну фразу: «Вы все сводите меня с ума». Тут надо заметить, что их младшая дочь Екатерина словно чувствовала состояние матери и закатывала истерики не только днем, но даже ночью, чем мешала отдыхать уставшему за день отцу. Приставленная к ребенку няня Акулина не могла с ней справиться, за что постоянно получала от хозяйки тумаков. И все равно эта беда не уходила. Семен Прокопьевич пригласил в дом лекаря Иванова, который внимательно осмотрев девочку, сделал вывод, что недуг ребенка трудно излечимый, и, скорее, похож на наследственный. К знахарке Семен Прокопьевич обратиться не позволил и отправил жену и детей в загородную усадьбу на свежий воздух, считая при том, что пребывание там пойдет всем на пользу. Однако, пользы в этом Елизавета не нашла, сама же скучала по городской жизни, ко всему младшая дочь вела себя в деревне не лучше. Кухарка Говоровых Авдотья надоумила барыню обратиться за советом к батюшке в церковь, чтобы тот снял порчу святой водой, на что Елизавета Максимовна

охотно согласилась. В дороге она продолжала кричать на Катю, при этом доставалось и старшей дочери Даше.

Церковь, куда Елизавета повезла свою дочь, чтобы показать батюшке, находилась совершенно в стороне от ее усадьбы, и надо было делать огромный крюк, чтобы выехать затем на основную дорогу. Больше всего барыню раздражал тот факт, что, когда она показала Катю священнику и рассказала ему о поведении дочери, последний много говорил о семейном ладе, милосердии и необходимости выявить причины раздраженности девочки в себе, уверяя женщину в том, что ей необходимо покаяться и причаститься. Выходило так, что все детские неурядицы – это отголосок семейных споров и непониманий...

Раздражающий крик Екатерины так действовал на неуравновешенную мать, что она не выдержала и приказала кучеру остановить карету, затем барыня взяла маленькую Катю и посадила ее у дороги в траву.

– Вот здесь посиди и покричи, я, авось, вернусь за тобой, – нервно сказала Елизавета и затем приказала кучеру, – трогай!

Кучер был в недоумении. Как это мать может оставить маленького ребенка в чистом поле на жаре, однако спорить с хозяйкой было бесполезно. Всю дорогу он думал о девочке и ждал, что хозяйка прикажет развернуть карету, чтобы забрать дочь. Барыня же в это время задремала в карете и совсем забыла про девочку.

Карета уехала, а маленькая Катя, которой от роду было три года, осталась в чистом поле сидеть на жаре совершенно одна. И неизвестно, чем бы закончилась ее маленькая жизнь, если бы не молодая черничка Наина, которая шла со службы в свою деревню.

Наина, будучи в возрасте, когда родители выбирают для дочери жениха, заявила, что не собирается выходить замуж. И как бы они не убеждали ее, она стояла на своем. В этом возрасте ее не могли называть «вековухой», той девушкой, которая на селе считалась неспособной по каким-то причинам выйти замуж, будь то физические недостатки или дурной нрав. Таких «вековух» все сторонились и не имели с ними бесед и всяческих отношений. Другое дело решение Наины. Объявление о намерении девушки быть безбрачной прежде произошло в семье, где отец заявил во всеуслышанье, а уж после сообщил об этом на деревенском сходе. Тут скажем, что некоторые чернички продолжали жить в семьях, помогая по хозяйству, имея при этом смиренный нрав, трудолюбие, но отличались своей набожностью. Они строго соблюдали посты и усердно посещали церковь, отличаясь своей грамотностью, чтением религиозных книг, знанием службы православной церкви. Чернички сыскали уважение односельчан, хотя избегали встреч с чужими людьми.

Другое дело Наина. Она сообщила родителям, что собирается стать «келейной» черничкой, желая отделиться от мирской суеты. Отец срубил ей на окраине деревни небольшую

избушку, которая стала для Наины келией. Сюда заходили отдохнуть и послушать чтение молитв и другие члены семьи. Наина принимала участие в обрядах похорон в своей деревне и соседних, читала Псалтирь, за что получала вознаграждение. И пусть эта плата была значительно меньше, чем давали священнику, но ей хватало. К тому же Наина обучала грамоте девочек, за что снискала уважение у живущих в деревне. А еще следует отметить, что Наина была рукодельницей: занималась вышивкой, вязанием, сбором трав и лечением ими. Однако, стоит заметить, что если вязать чулки или вышивать рубашки считалось для чернички допустимым, то она ограждала себя от занятий сельскохозяйственным трудом, по сему с этим делом к ней не приставали.

Проходя мимо плачущего у дороги ребенка, она не могла не остановиться.

– Святый Боже, кто же тебя оставил здесь такую малютку?! – испуганно заговорила Наина и начала креститься. Подняв девочку с земли, она увидела, что ребенок хорошо одет и не походит на деревенских детей. Ей в голову не могло прийти, что девочку оставила молодая барыня. Наина огляделась по сторонам, но никого не увидела. Ей стало жалко крошку, Наина взяла ее на руки и спешно пошла к своей келье, сокращая путь по полю и перелеску. Идти ей было напрямки не больше версты. Наина понимала, что девочка изнывает от жары, поэтому спешила так, насколько ей хватало сил.

Между тем барыня проснулась, уже подъезжая к городу.

– Проспала всю дорогу, – сказала она Даше, – а Катерина?! – тут она вспомнила, что высадила дочь у дороги. – Совсем забыла! Сейчас приедем домой, я отдам тебя на руки няне, а сама вернусь за Катей, – теперь уже раздраженно говорила барыня.

Елизавета с Дашей подъехали на экипаже к своему дому, где их уже ждал Семен Прокопьевич.

– Как отдохнули в деревне? – весело спросил он.

– Ужасно! – выдавила Елизавета. – Дети не давали мне покоя, готова была их убить, – добавила она и затем быстро пошла в дом.

– Папенька, я соскучилась по тебе, – сказала Даша.

– Я тоже по вам соскучился, – улыбнулся Семен Прокопьевич, но вдруг вид его изменился, – постойте, а где же Катюша?

– А мама ее из кареты высадила, – сказала Даша.

– Как такое может быть?! – растерянно произнес Семен Говоров.

– Катя громко кричала, мама ее высадила, – объясняла дочь отцу.

– И где же она высадила Катеньку одну?! – не понимал Семен.

– В поле, – тихо сказала Даша.

– Это же непозволительно! – крикнул Семен Прокопьевич. – Как могла так поступить мать?! – он приказал кучеру

никуда не уезжать, а сам взял Дашу за руку и быстро повел ее в дом. Дочь еле поспевала за отцом.

– Елизавета Максимовна! – крикнул он, появившись в доме. – Немедленно подойдите ко мне.

– Чего вам от меня надо? – раздраженно спросила Елизавета, выйдя из гостиной.

– Где вы оставили Катерину? – строго спросил он.

– По дороге высадила, пусть прокричится, а после вернемся за ней, – без желания сказала Елизавета.

– Да что вы такое натворили? – возмутился Семен Прокöpfeвич. – Бездушная и истеричная женщина!

– Не смейте мне ничего говорить! – огрызнулась барыня.

– Да вас убить мало! – крикнул барин и выскочил из дома.

Семен запрыгнул в карету и приказал кучеру:

– Евсей! Гони к тому месту, где вы высадили мою дочь! Гони лошадей во всю мощь! Не жалея, слышишь?!

Экипаж понес Говорова из города выручать дочь из беды. Всю дорогу из головы не выходила Катя. Он готов был бежать впереди лошадей, хотя двойка неслась галопом и уже подъезжая к месту, где была высажена Катя, лошади были загнаны, под сбруей выступала пена, они хрипели от усталости. Когда карета остановилась, Говоров выскочил из нее, но девочки у дороги не оказалось. Кучер был ошеломлен, он чувствовал на себе вину за содеянное, хотя перечить барыне было бессмысленно...

– Евсей, мы точно приехали к тому месту? – спросил рас-

строенный Говоров.

– Ваше благородие, туточки мы останавливались, – растерянно ответил кучер.

– Да как же тут, коли нет ребенка?! – допытывался барин.

– Так оно времени вона сколько прошло, – снова потупил взор Евсей.

– Что же ты барыню послушал, Евсей? – упрекал кучера хозяин.

– Так перечить барыне – это приговор себе вынести, забьет, али прогонит вон, – извинялся кучер.

– Ты ступай налево в поле, я пойду направо, авось ушла куда-нибудь, – печалился отец.

Они обошли большой участок, но девочки нигде не было. Вернувшись к карете, оба посмотрели друг на друга.

– Далеко прошел, ваше благородие, нигде нет, – сокрушался кучер.

– И я нигде не нашел свою дочь, – совсем расстроился Семен Прокопьевич.

– Ваше благородие, поедemте в церковь, здесь недалеко, может кто-то привел ее туда.

– Поехали, Евсей, да побыстрее! – приказал барин.

И вот уже карета мчит по пыльной дороге к церкви, подпрыгивая на ухабах. Они были полны надежды, что ребенка увели туда, чтобы затем вернуть родителям. Сердце Семена Прокопьевича бешено стучало в груди. Он отгонял от себя назойливые мысли, что ребенка уже нет в живых, но волне-

ние будоражило сознание...

Последние метры до своей кельи Наина бежала бегом, потому что девочка кричала истерически. Забежав к себе в келью, она первым делом напоила ребенка и приложила к ее голове мокрую тряпочку, затем дала ей кусочек сахара, чтобы та успокоилась.

Когда малышка перестала плакать, Наина подошла к киоту и начала молиться. В эти минуты она просила прощение за себя, за ту женщину, которая бросила ребенка умирать у дороги. В душе чернички было смятение чувств. Наина еще не понимала, как ей поступить дальше. Вернуть ребенка матери она не могла, потому что не знала, кто эта женщина, жестоко поступившая со своим чадом. Ей почему-то не захотелось показывать девочку и своим родным, по крайней мере, пока. Для себя Наина приняла решение, вопреки всем устоям, оставить это красивое создание у себя, назвав девочку Аксиньей. Еще не понимая до конца, какие перемены могут ждать ее в будущем, Наина убеждала себя в одном – ребенок не должен вернуться к прежней матери...

Семен Прокопьевич подъехал к церкви, где уже не было никого, кроме дьячка Никодима.

– Послушайте, к вам не приводили девочку? – выпалил Говоров, даже не перекрестившись при входе в церковь.

Никодим посмотрел на него внимательно, но ответил не сразу, словно оценивал пришедшего.

– Вы про какую девочку, ваше благородие, судачите? –

осторожно спросил дьячок.

— К вам в церковь женщина приезжала с двумя дочерьми, — пояснил барин, — к батюшке за советом. Одну из девочек моя жена у дороги оставила...

— Грех какой она на душу взяла, — сказал Никодим и перекрестился, нашептывая слова молитвы.

— Так я спрашиваю, не приводили к вам девочку? — торопил барин дьячка с ответом.

— Нет, ваше благородие, никто не приходил, — ответил Дьячок и снова начал шептать молитву.

— А прихожане могли ее забрать? — с надеждой спросил Говоров.

— Одному Богу известно, — отвечал Никодим, — тут, ваше благородие, деревня рядом имеется, может кто-то из деревенских увел девочку с собой.

— И на том спасибо тебе, божий человек, — сказал уже с надеждой в голосе барин, — идем, Евсей! — теперь Семен Прокосьевич обратился к кучеру, а когда они подошли к карете, то приказал ему, — гони, Евсей, не жалея лошадей!

— Как же так, барин, загоним мы их, помрут?! — недоумевал кучер.

— Я десять лошадей куплю вместо этих, — строго сказал барин, — мне дочь надо найти, понимаешь?! Приехали они в ту самую Липатовку, куда и пришла с ребенком Наина. Деревня эта небольшая, тридцать дворов. Многие дома от старости стали ветхими и вросшими в землю. Казалось, что надави

на них легонечко сверху, и они развалятся. Отдельные избы присыпаны земляным валом до самых окон. Вместо стекол, многие рамы были затянуты бычьим пузырем, а в отдельных окнах натянута промасленная бумага. Крыши большинства изб покрыты соломой и лишь несколько домов деревянной черепицей в форме треугольных пластин. Часток кол кругом стоял поломанным или вообще отсутствовал. Скотина гуляла по деревне сама по себе, точно отбилась от стада или перестала слушаться пастуха. Подъехав к крайнему в деревне дому, в котором жила семья Титовых, Говоров быстро спрыгнул на землю. Во дворе возился с косою хозяин.

– Доброго здоровья, ваше благородие, – встретил гостя Петр.

– Кто-то из деревенских ходил сегодня на службу? – спросил Говоров, даже не поздоровавшись с Титовым.

– Как не ходить, у кого время есть, непременно ходил, – ответил крестьянин.

– Дочь моя потерялась, – объяснял Семен, – маленькая еще совсем, от кареты отстала, ее могли в деревню вашу привести. – рассказывал барин. – У кого же мне спросить, не приводили ли девочку из церкви?! – продолжал Семен Прокопьевич.

– Ваше благородие, ее на причастие туда возили? – спросил Петр.

– Да нет, не на причастие, – объяснял Говоров. – Мать ее у дороги оставила...

– Как же так?! – не понимал Петр. – Разве может такое быть?!

– Может, мужик, все может, – занервничал Говоров, – вот только не знаю, где ее теперь искать, – уныло продолжил барин.

– Так надо к уряднику, ваше благородие, – научал Титов.

– Ты меня не учи, сам все знаю! – выругался барин.

– Так я же от души говорю, – смутился Титов.

– Не найдем мы ее здесь, ваше благородие, – засомневался кучер.

– Я сам обойду всю деревню и каждого расспрошу, – твердо решил Говоров и пошел в соседний дом...

В это время отец Наины направлялся к дочери, чтобы отнести ей еду, но больше его интересовал вопрос, ходила ли она сегодня в церковь, потому как не все деревенские посещали службы ежедневно.

– Мир этому дому, – сказал Павел, входя в келью, при этом перекрестился на иконы и низко поклонился.

– Слава Богу, и тебе мир и благодать, – ответила дочь.

И тут он увидел маленькую девочку, которая сидела на лавке и грызла кусок сахара. Отец Наины был удивлен увиденному. Он не мог поверить, что в келье у его дочери может появиться ребенок. Теперь уже Павел не знал, как продолжить разговор, но, собравшись с мыслями, заговорил:

– Как же так?! – недоумевал отец. – Кто же у тебя здесь?! Уж не та ли девчушка, которую барин ищет?

– Что вы, батюшка говорите, я не понимаю? – спросила черничка.

– Да как же, давеча в деревню барин приехал, – попытался объяснить Павел, – дочь у него потерялась. Теперь он рыскает по деревне, в каждом доме ищет ее...

– А кто же этот барин, батюшка? – поинтересовалась Наина, а у самой вдруг возникла мысль, что это отец Аксиньи.

– Барин- то?! – рассуждал отец, – помещик Говоров из города, всю округу обыскал, не нашел дочь...

– А как же она у него потерялась? – вытягивала из Павла дочь, хотя сама уже была уверена, что это настоящий отец девочки.

– А кто же про это знает?! – сказал отец, сам уже не понимая, что говорил дочери.

– Вот и мне неизвестно, что он эту девочку мог потерять, – вдруг совершенно уверенно сказала Наина.

– А откуда она у тебя? – спросил Павел.

– От Бога, – ответила черничка.

– Я же хотел спросить, – растерялся отец.

– Не ведомо мне ничего! – строго ответила дочь.

– Зачем же я приходил?! – растерялся Павел. – Я подумал, что ты слышала про это в церкви...

– Нет, батюшка, не слыхала, – утвердительно сказала дочь.

– Вон оно как выходит, а вдруг эта девчушка и есть та самая пропажа?! – сомневаясь, но продолжая свою мысль, произнес Павел.

– Ребенок, батюшка, не вещь, чтобы его терять! – твердо и уверенно настаивала на своем Наина.

– Так- то оно так, только ведь разрывается сердце у матери,– теперь уже убеждал дочь отец.

– Я, батюшка, сама ее в город отвезу,– решительно сказала дочь,– только ты уж никому пока не говори...

– Молчать буду, коли так надо,– нерешительно сказал Павел, затем учащенно крестясь, он сказал, – Бог тебе в помощь, доченька.

Павел ушел от Наины, но на душе у нее теперь было неспокойно, а ну как скажет он кому в деревне, пойдут слухи, и утратит она свое благочестие. Но отдавать ребенка матери, которая потеряла или оставила дочь на обочине дороги ей не хотелось. Принимать решение надо было незамедлительно. Наина подошла к киоту и начала молиться Пресвятой Богородице, чтобы она вразумила ее на благой поступок, затем черничка села на лавку и уставилась на Аксиныю. Это маленькое чудо глядело на нее добрыми глазами, еще не понимая, что ее жизнь может измениться навсегда. Но вдруг, словно понимая намеренье чернички, девочка заплакала и начала причитать.

–Мама, хочу к маме,– со слезами в глазах произносил ребенок.

– Что ты, милая, увезу я тебя к маме,– успокаивала Наина девочку.

– Мама, моя мама,– продолжала говорить со слезами на

глазах Аксинья, потому как отныне ее так должны будут называть.

— Не плачь, милая, пойдем лучше погуляем,— сказала Наина и вывела девочку на улицу.

И сделала она это вовремя, потому что заметила, как к ее келье направляется повозка. Наина сразу догадалась, что это и есть барин. Перебирая в голове варианты, куда ей спрятать Аксинью, черничка решила бежать с ней в лес. Она схватила девочку на руки и побежала подальше от кельи, чтобы никто не мог их увидеть. Только оказавшись далеко от деревни, Наина поставила Аксинью на землю и перевела дух.

— Отдать я тебя должна бездушной матери,— говорила Наина девочке, зная, что та не поймет ее,— хоть и жестоко она с тобой поступила, но Бог ей судья.

— Мама,— снова вспомнила маленькая Аксинья.

— Да, мама...

А в это время Семен Прокопьевич Говоров подъехал к келье Наины, чтобы выяснить, была ли та сегодня на службе в церкви. Он постучал в дверь, но никто ему не ответил, тогда барин рванул за ручку и решительно вошел внутрь. Здесь Говоров увидел киот с иконами и совсем бедное жилье, ему даже вначале показалось, что в этой келье никто не живет, а деревенские ходят просто молиться. Выйдя на улицу, Семен обратился к Евсею.

— Нет тут никого...

— Выходит, барин, что черничка эта, как ее называют де-

ревенские, вовсе здесь не живет,— вынес свое заключение конюх, — а посему не могла она видеть доченьку вашу.

— А мне говорили, что она одна ходит каждый день на службу,— разочарованно произнес барин.

— Теперь уже не знаю, куда еще ехать,— поддержал плохое настроение барина конюх.

— Мне, Евсей, жизни теперь не будет без моей Катеньки,— едва выговорил Говоров, а из глаз его полились слезы.

— Поплачьте, барин, легче будет,— наставлял кучер.

Семен Прокопьевич сел на траву возле стены и уткнулся головой в колени. Сидел он так долго, Евсей стоял поодаль и боялся сделать лишнее движение, чтобы не побеспокоить барина. Только тот вдруг решительно встал и уже совсем переменившимся в поведении, даже ставшим резким, сказал:

— Поехали, Евсей, все деревни объедем, каждый аршин пройдем, но найдем мою Катеньку.

Они проехали не одну версту, загнали лошадей, но дочь барин так и не нашел, вернувшись в город уставший и злой...

В тот же вечер Наина уговорила деревенского парня Никулу, который с детства был безответно в нее влюблен, помочь ей.

Они ехали по темной дороге, меняя в пути перелески и луга. Аксиныя спала на соломе, укутанная одеялом, а Наина смотрела на убегающую дорогу и думала о том, как ей поступить дальше. Найти в городе семью Говоровых можно было обратившись в полицейский участок, а еще проще оставить

ребенка в том же участке и вернуться домой. Теперь перед девушкой стоял сложный выбор. Ведь если она не захочет отдать ребенка настоящей матери, тогда пойдет против Бога и возьмет грех на душу, и все ее моления и исповеди затмит этот поступок. Дорога была неблизкая и надо было сделать выбор. Но случилось непредвиденное, Аксињья начала вдруг кашлять, и вся сделалась горячей. Наина была в растерянности, она не понимала, как ей теперь поступить, но все же собралась с мыслями и попросила Николу ехать в земскую больницу. К ее удивлению, все койки здесь были заполнены, и Наину не хотели оставлять с ребенком из-за неимения мест. Тут надо добавить, что в земской больнице был один врач, и помощь ему составляли фельдшер, повитуха и няня. Условия для больных были невыносимыми, не хватало лекарств, поэтому смертность оказывалась высокой. К тому же врач должен был постоянно отлучаться на вызовы к больным.

– Да ты сама посмотри, мамаша, куда я тебя положу?!– говорил врач Наине.

– Как же я ее такую маленькую одну оставлю?!– недоумевала черничка.

– У меня сегодня выписывается больная, положу ребенка твоего на ее место, а для тебя подставлю лавку к кровати, – предложил врач, – только придется тебе немного потрудиться на благо больницы.

– Я согласна,– сказала Наина.

Все дни, пока Аксинья была на излечении, черничка помогала убирать палаты, ухаживала за больными и непременно всякую свободную минуту забегала к своей Аксинье. А когда у малышки дела пошли на поправку, Наина решила остаться на время в лечебнице. Для проживания ей отвели маленький закуток в помещении для персонала, здесь стояла кровать и маленькая лавка, впрочем, Наина была рада и этому. Молилась она теперь реже, но молитву носила с собой в душе. Заметив усердие девушки, врач Борис Глебович Ягодин вызвал ее в свой кабинет.

– Прошу великодушно меня извинить, – начал он, – но я даже не узнал вашего имени.

– Меня зовут Наина, а девочку Аксинья, – взволнованно сказала девушка, а сама внимательно следила за врачом, пытаясь понять, что он скажет в следующую минуту.

– У девочки прошел острый период, – продолжал доктор, – теперь только отдых. За вами приедут родные?

– Нет, за нами никто не приедет, – тихо сказала Наина.

– Позвольте узнать, а по какой причине не приедут? – спросил Ягодин.

– Одна я в городе, нет здесь у нас никого, – вздохнув, ответила девушка.

– Стало быть вы деревенская? – расспрашивал врач.

– Да, я деревенская, но я туда никогда не вернусь! – решительно сказала Наина.

– Отчего же так? – поинтересовался Ягодин, – обидели вас

в деревне?

– Я решила отказаться от прошлой жизни,– продолжала девушка,– мне хочется жить в городе.

– Куда же вы теперь пойдете? – все еще расспрашивал Наину врач.

– Я и сама не знаю,– растерянno ответила девушка.

– Такое дело не годится, – серьезно сказал Борис Глебович,– я смею заметить, что работаете вы исправно...

– Я совершенно никого не знаю в городе,– поникшим голосом сказала Наина.

– Но у вас девочка, ей нужно питание, ее надо одевать, как же так?! – убеждал девушку Ягодин.

– Я постараюсь сама справиться со своей бедой,– вдруг решительно ответила Наина.

– Смею вас заверить, что сделать это вам будет весьма трудно, – предостерег Ягодин. – У вас нет рекомендации, и вы не сможете устроиться горничной в дом господ. Позвольте полюбопытствовать, а документы у вас на себя и ребенка имеются?

– На себя документы имею, а на ребенка пока не успела сделать, мы деревенские, – оправдывалась Наина. Как же ей было неловко в эти минуты, ведь сейчас она обманывала человека, который помог ей в трудную минуту. В ней, словно расщепленное надвое дерево от удара молнии, боролись между собой за существование справедливость и самозащита. Да, она могла сказать правду и отдать ребенка, которого

удерживает у себя, но что-то мешало ей это сделать. Наина не до конца понимала последствия поступка, который она совершила. С одной стороны ей думалось, что она вернет ребенка, и все ей простится, но с другой – осуждение и каторга. Однако больше всего девушку тревожило то, что она пошла против Бога, найдя себе оправдание. И не зарождающееся ли в ней чувство материнства было всему причиной?! Но как она могла знать о нем, если не вынашивала ребенка, не испытала мук при рождении младенца. Все перемешалось в голове Наины, однако чувство вины не покидало ее.

– Смею вам заметить, – прервал ее мысли врач, – завтра нас посетит купец Смеловский, который имеет приют частным лицам. Я мог бы спросить у него для вас место.

– Позвольте, зачем же мне в приют? – не понимала Наина.

– Вы могли бы трудиться в приюте и получать жалованье, – пояснил Ягодин, – к тому же девочка всегда была бы при вас. Я не смею спросить, а вы обучены грамоте?

– Да, я сама учила грамоте деревенских детей, – уверенно ответила Наина.

– Тогда готов предложить вам задержаться еще на денек в больнице, – улыбнувшись сказал врач, – а завтра мы все решим.

– Благодарствую вам, Борис Глебович, – искренне ответила девушка, и словно с души ее свалился камень, который давил и не давал спокойно дышать.

– Рано пока меня благодарить, – смутился Ягодин, – зав-

тра порешаем, уж тогда приму вашу благодарность, – улыбнувшись, добавил врач.

На следующий день в больницу приехал Георгий Александрович Смеловский. Это был статный купец сорока лет, выходец из зажиточных крестьян, позже разбогатевший на торговле. Он безвозмездно помогал больнице средствами, сам же при этом имел собственные заведения: торговый рынок, приют частным лицам, трактиры. Объезжал Смеловский свои заведения ежедневно, владея всей информацией по любым вопросам. Вот и в этот раз купец прошел с Ягодиным по больнице, а после заглянул в кабинет главного врача.

– Вижу, Борис Глебович, дела у вас идут неплохо, да и от больных не слышал жалоб, – похвалил купец Ягодина.

– Стараемся, Георгий Александрович, возвращать людей к нормальной жизни, – спокойно говорил врач.

– Приготовьте мне к следующему приезду список, в чем нуждаетесь особо, – давал задание Смеловский.

– Будет все исполнено, Георгий Александрович, – в ранге подчиненного ответил главный врач.

– Тогда я смею вас покинуть, – сказал Смеловский и протянул Ягодину руку, чтобы попрощаться. Тот ответил рукопожатием, но на секунду задержал свою руку не разжимая.

– Позвольте, Георгий Александрович обратиться к вам с еще одним вопросом? – осторожно спросил Ягодин.

– Обращайтесь, коли есть на то нужда, – спокойно и уверенно ответил купец. Он чувствовал себя хозяином положе-

ния, и ему доставляло удовольствие, когда к нему обращались по разным вопросам. Георгий Александрович мог позволить себе исполнять любую просьбу, но при этом желал, чтобы просили его не один раз.

– В больнице у меня была девочка на излечении, – начал врач, – а мать ее, молодая еще совсем женщина, была при ней и помогала нам во всем. Девочка пошла на поправку, а вот матери ее негде в городе остановиться, из деревни они, попали к нам в срочном порядке.

– Что-то я не могу вас понять, Борис Глебович?–удивленно спросил купец.

– Нет в городе у мамыши живой души, одинешенька она с ребенком на руках, – оживленно продолжил беседу врач,– работать ей негде. А как же прожить бедной?! Уж будьте великодушны, Борис Глебович, возьмите ее в приют, или другое заведение, она работающая и спокойная.

– Распорядитесь пригласить ее в кабинет, я хоть посмотрю на мамашу,– слегка усмехнулся Смеловский.

Ягодин дал задание пригласить Наину в кабинет, и вскоре она вошла вместе с Аксиньей осторожно, словно ожидала чего-то нехорошего.

– Доброго здоровья,– тихо сказала Наина.

– Вот, Георгий Александрович, та самая мамочка, ее зовут Наина, – представил врач девушку гостю.

– Наина, говорите, что значит «невинная»,– зачем-то сказал купец. – А ребенка как назвали?

– Аксинья, – тихо ответила Наина.

– А у дочери много значений: гостеприимная, чужестранка, гостья, – опять блистал своими познаниями Смеловский.
– Ну да ладно про пустяки. Мне Борис Глебович рассказал про вас, чужая вы в этом городе?

– Да, – совсем тихо сказала Наина.

– А как же вы попали в город? – заинтересовался купец, – бежали от кого-то?

– Позвольте мне пока не говорить про свою судьбу, – ответила Наина, а щеки ее стали в эту минуту пунцовые.

– Как же я смогу узнать про вас?! – не унимался купец. – Меня просили оказать вам помощь, но я не знаю, правильно ли поступаю, а вдруг вы замужняя и убежали от семьи?

– Моя семья- я и Аксинья, – насупившись, сказала Наина.

– Тут обижаться неуместно, – успокаивал Смеловский, – я хочу помочь решить вашу судьбу...

– Благодарствую, но я как-нибудь сама, – обиженно сказала девушка.

– Полно на меня обижаться, – по- доброму сказал купец, – я не хотел никого обижать, но коли не желаете поведать мне свою тайну, прощайте.

– Хранит вас Господь, – сказал Наина и поклонилась.

– Позвольте, Георгий Александрович, – вмешался врач, – не слушайте вы ее, она сама не ведает, что сейчас говорит, – очень живо вступился за девушку врач, – нужна Наине ваша помощь, не откажите в любезности, помогите молодой маме

и ее чаду.

— Ну хорошо, Борис Глебович,— сменил тон гость,— вас я знаю давно и верю, что вы не станете держать рядом с собой плохого человека, а по сему возьму ее к себе.

— Низкий вам поклон, Георгий Александрович,— сказал удовлетворенный беседой врач.

— Что же, собирайтесь, барышня, — теперь уже купец обратился к Наине.

И вот Наина вместе с Аксиньей едут в экипаже неизвестно куда, понимая всю нелепую ситуацию с девочкой, потому что вполне могла вернуть ее родителям, но зачем-то везет ее с собой. Когда они подъехали к приюту, сердце Наины забилося от тревоги. Впереди ее ждала неизвестность, позади осталась размеренная жизнь в уединении и молитвах. И ничто, казалось тогда, не может произойти неожиданного, но по ее же воле все произошло.

В приюте, куда они вошли, было чисто, светло и просторно. На встречу к ним вышла женщина средних лет с красиво убранной головой. Одета она была в строгое платье. Ее внешний вид больше походил на гувернантку. При этом держалась женщина достойно, понимая свое положение и значимость прибывшего покровителя и неизвестных гостей.

— Марта Прокопьевна, — обратился купец к женщине, — позвольте представить вам молодую особу с ребенком. Это Наина и ее дочь Аксинья. Они по рекомендации Бориса Глебовича. Прошу вас принять ее в свою обитель и дать ей ра-

боту с жалованьем, все подробности мы обсудим позже.

– Все будет исполнено, как полагается, Георгий Александрович, – спокойно произнесла хозяйка приюта, – сделаем должным образом.

– Мне необходимо удалиться, решайте здесь все сами, – сказал купец, а затем обратился к Наине, – советую вам впредь быть открытой, прощайте.

– Спасибо вам за заботу, – тихо отблагодарила Наина купца.

Смеловский ушел быстро, точно куда-то торопился. Наина была взволнована, но старалась не подавать вида.

– Позвольте узнать у вас, Наина, – Марта Прокопьевна обратилась к госте, – вы проживали в этом городе?

– Что вы, Марта Прокопьевна, я приехала в город из деревни, – старалась быть уверенной Наина.

– Следовательно, родных у вас здесь нет? – продолжила беседу хозяйка приюта.

– Никого...

– Я пока не стану терзать вас вопросами, – успокоила Наину Марта Прокопьевна, – пойдемте, я покажу вам место вашего проживания, и пора вам отобедать и накормить вашу крошку.

Тут, уважаемый читатель, я должен заметить, что Аксиныя во все время нахождения с Наиной, вела себя спокойно и безропотно переносила проживание в больнице и переезд в приют. Постепенно в ее памяти начал размываться образ

своей настоящей мамы. Теперь она уже, то ли забывшись, а, возможно, от своих детских чувств, начала называть Наину мамой, отчего сердце девушки сжималось. Безусловно, были моменты, когда она хотела пить или есть, проявляя свой характер, но в целом это уже был вполне послушный ребенок.

Так проходили неделя за неделей. Аксинья заметно подросла и начала хорошо говорить. Однако в Наине продолжали бороться два желания: незамедлительно вернуть дочь матери и оградить Аксинью от той жесткой женщины. Время шло, но все оставалось неизменным. Они жили в приюте, где работа воспитателя очень нравилась Наине. Конечно же, были здесь и свои трудности.

Детей поднимали в шесть часов утра на молитву, затем они проходили различные процедуры с умыванием, приведением в порядок себя и постели, уборка комнат. На завтрак шли в начале десятого, а уж после начинались с ними занятия и игры. После обеда детям давали два часа свободного времени при непосредственном внимании со стороны воспитателей. В течение дня воспитатели занимались с ними гимнастикой, рисованием и пением.

Безусловно, жизнь здесь складывалась нелегкой. Воспитанников не баловали едой, она была простой и не слишком обильной, однако не позволяла умереть с голоду. При этом стояла задача убедить детей кушать совсем невкусную порой пищу. И одевали детей скромно, лишней одежды у них не имелось. Присутствовали в приюте и наказания. За леность

и провинность детей лишали еды, наказывали розгами и дополнительной работой. А еще Наина узнала, что в приюте часто возникали эпидемии, а учитывая скученность детей, болезни распространялись быстро.

Воспитанники изучали Закон Божий, историю, арифметику, чтение и письмо. А наряду с учителями, которых нанимал Георгий Александрович лично, работали за небольшое вознаграждение воспитатели и няни, если не учитывать остальную прислугу.

Однажды хозяйка заведения пригласила Наину к себе в кабинет для разговора. Аксинья уже спала, и можно было говорить долго.

– Я постоянно наблюдаю за вами, – начала разговор Марта Прокопьевна, – ваша дочь совершенно не походит на вас ...

– Она, должно быть, походит на своего отца, – попыталась соврать Наина.

– А кто ее отец, если не секрет? – спросила хозяйка приюта.

– Он был гусаром, – продолжала запутывать Марту Прокопьевну черничка.

– Он что же вас бросил? – настаивала на откровенном разговоре хозяйка.

– Нет, он погиб в бою, – ответила Наина, при этом постаралась сделать грустное лицо. И это ей не понравилось самой. Как она могла сейчас врать, когда еще недавно была чиста в помыслах, стоя перед иконами. Что могло произойти

такое, что глубоко верующая в Господа черничка, отказавшаяся от мирской праздности, вдруг совершила такой грех, при этом не раскаиваясь и не ища выхода. Она словно плыла теперь по течению, как неуправляемый лист, упавший с дерева в ручей. Что послужило причиной столь резкого изменения состояния души. Мучения от этого греха почему-то начали притупляться. Наина теперь все больше стала убеждать себя в материнской значимости для ребенка. Но почему, лишив радости той женщины, настоящей матери Аксины, имени которой девушка даже не знала, как, впрочем, не знала и настоящего имени Аксины, она оправдывает себя?!

– Сожалею, – посочувствовала Марта Прокопьевна, – но я заметила также, что вы обращаетесь с Асей как-то осторожно, словно она вам чужая.

– Почему же, я очень хорошо с ней обращаюсь, – возразила Наина, и вновь кольнула ее мысль о том, что Марта Прокопьевна догадывается или даже все про них знает.

– Понимаете, Наина Павловна, я долго прожила на свете, и через меня прошло много детей, – спокойно и рассудительно продолжала хозяйка приюта. – Я понимаю, какой контакт бывает между мамой и дочкой...

– Вы, Марта Прокопьевна, в моем случае ошибаетесь, – вновь возразила хозяйке приюта девушка.

– Возможно, я ошибаюсь, – несколько растерялась Марта Прокопьевна. – Просто вы еще очень молоды и смотрите на мир другими глазами. У вас пока все проще...

– Я еще только учусь быть мамой, – постаралась убедить женщину Наина.

– Мне все же кажется, что вы что-то от меня скрываете и не только от меня, – тихо, словно сама себе, сказала хозяйка приюта.

– Почему вы так решили? – спросила Наина.

– Вы бываете осторожны, когда видите посторонних людей, – постаралась доказать свою правоту Марта Прокопьевна, – еще уединяетесь, уводя с собой дочь.

– Вы правильно заметили, – теперь уже осмелевши продолжила Наина. – Ася была очень нервная до приюта, мне не хотелось лишний раз ее травмировать, – опять врала девушка.

– У нее какое – то заболевание? – осторожно спросила Марта. – Почему она нервная?

– Нет. Думаю, что это просто возраст, – со знанием возрастных особенностей ребенка, ответила Наина.

После разговора с Мартой Прокопьевной Наина несколько успокоилась. Теперь можно было проявить все свои способности в работе с детьми, а они ее любили за доброту и внимание к ним. Она учила их дружить и уступать друг другу, дети играли вместе с Аксиньей, которая всегда была в центре внимания. Наина видела результат своей работы, отчего ей было радостно на душе. Наина даже придумала день рождения для Аксиньи, чтобы отпраздновать его вместе с остальными детьми. В этот день черничка прикупила сладо-

стей и угощала всех в приюте. Дети, в свою очередь, нежно обнимали Аксиныю, отдавая ей тепло своей души.

Успокоившись, человек начинает верить в то, что все плохое в прошлом, а в будущем ничего не случится. Притупляются тревога и волнение, в памяти стираются события, тревожившие чувства. Равнодушие приходит на смену опасениям. Мир словно приобретает иные краски. Солнцем залитый внутренний мир теперь уже не готов к переменам. Но не может мир оставаться безоблачным, как бы мы этого не хотели.

Как – то в приют пришел человек из уездного полицейского участка. Он прошел в кабинет Марты Прокопьевны. Наина увидела его и насторожилась. До настоящего времени полицейский в приюте не появлялся. Теперь надо было вести себя по- другому, но как?! Броситься и все рассказать полицейскому?! Наина ждала, никакая работа не шла на ум, даже просьбы ребят она словно не слышала, все ее внимание было направлено на кабинет Марты Прокопьевны. Время тянулось медленно, ей показалось, что полицейский находится там уже очень долго. Прошло еще какое-то время, и он покинул приют, а вскоре Марта Прокопьевна пригласила в кабинет Наину.

– Вы звали меня, Марта Прокопьевна? – скрывая страх, спросила девушка.

– Не то, чтобы звала, но хотела тебе сообщить одну новость, – сказала хозяйка приюта и посмотрела на Наину испытывающим взглядом.

– Какую новость? – спросила настороженно Наина.

– Приходил человек из полиции, – тут Марта Прокопьевна сделала паузу, словно ждала реакцию Наины. – Они разыскивают маленькую девочку, которую потеряла молодая семья помещиков Говоровых.

– Что значит потеряла? – спросила Наина, пытаясь при этом не выдать волнения.

– История произошла у них странная, – неспеша продолжала Марта Прокопьевна, при этом не сводила глаз с Наины, словно ожидая изменения ее состояния. – Молодая барыня была в истерических чувствах и высадила маленькую дочь в поле, а сама уехала. Барин же, узнав про поступок жены, был зол и поехал сам в поле искать дочь, но не нашел. Объехал все ближайшие деревни, но девочка точно сквозь землю провалилась...

– Не погибла? – осторожно спросила Наина.

– Никто про это не знает, – Марта Прокопьевна передавала слова полицейского. – Они не теряют надежду, что девочку кто-то мог взять из деревенских к себе, но пока вот никто не объявился, а прошло уже много времени.

Марта Прокопьевна о чем-то догадывалась, но хотела, чтобы Наина осмелилась, и сама рассказала свою историю, возможно не схожую с историей семьи Говоровых. Как ей было жалко эту несчастную девушку, которая мечется, ищет чего-то, но никак не может выпутаться из своих сомнений, которые зацепили ее, как сеть.

– И что они хотят от нас? – даже не понимая до конца своего вопроса, еле слышно произнесла Наина.

– Они ищут девочку по всем местам в городе, – не меняя тона, чтобы не нарушить беседу, продолжила Марта Прокопьевна. – Подумали, что кто-то мог сдать ее в приют, но я им сказала, что никто не приводил девочек в ближайшее время.

– Вы же не сказали, что в приют пришла я с маленьким ребенком?! – осторожно спросила Наина.

– Нет, не сказала, вы совсем другое дело, – постаралась успокоить теперь уже тревожную Наину женщина.

– Я испугалась, а вдруг начнут пытаться меня?! – зачем-то сказала Наина.

– Зачем им пытаться вас, если вы мать этой девочки, – все еще стремясь вывести на откровенность девушку, сказала Марта Прокопьевна.

– Все верно, – сказала Наина и почувствовала слабость в теле.

– Погодите, Наина, а что вы так побледнели? – заметила Марта Прокопьевна. – Вам нездоровится?

– Да, я плохо сегодня спала, – ответила девушка, – Акси-нья тревожилась...

– Можете вам отдохнуть днем, вас заменят, – посоветовала женщина.

– Нет, что вы, Марта Прокопьевна, я справлюсь, – взяла себя в руки Наина.

После разговора в кабинете Марты Прокопьевны все вер-

нулось на круги своя, Наина успокоилась и с удвоенным рвением выполняла свои обязанности. Только однажды к ней подошла молодая воспитательница Галина, она была в хороших отношениях с Наиной.

– Наина, я уличила момент, пока нет Марты Прокопьевны, – старалась побыстрее сказать Галина, при этом все время оглаживалась и прислушивалась, – Марта Прокопьевна написала письмо в полицию.

– Какое письмо?! – не понимала Наина.

– Мне это неведомо, – продолжила подруга, – а мне велела следить за тобой и подслушивать все твои разговоры.

– Зачем ей это нужно?! – попыталась понять Наина.

– Мне так видится, что она считает, что Аксинья не твоя дочь, – выпалила Галина.

– Ты это точно знаешь? – допытывалась Наина.

– Точно! – утвердительно сказала подруга.

– Что же теперь будет?! – растерялась Наина.

– Бежать тебе надо вместе с Аксиньей, если хочешь ее спасти, – посоветовала подруга.

Теперь уже размышлять было поздно. Наина, не думая, собрала вещи, взяла Аксинью и задней дверью покинула приют. Этот побег окончательно затянул ее в петлю греховного поступка, но иначе она не могла понять своей душой, как расстаться с этим маленьким чудом, хотя и теплилась еще в ее душе мысль вернуть ребенка Говоровым. Наина узнала, где живет это семейство. Наняв извозчика, она с Ак-

синьей поехала к дому Говоровых. Когда бричка подъехала к особняку, и Наина уже собиралась сойти на землю, чтобы спустить Аксиною, то вдруг увидела, как из дома вышла молодая барыня с девочкой, по всей видимости, сестрой Аксины. Родительница принялась таскала ее за волосы, приговаривая при этом: «Ты мне всю кровь выпила! Я тебя ненавижу...»

Этот поступок так возмутил Наину, что она приказала извозчику поскорее покинуть это место. Ей было больно и страшно видеть подобную сцену. Теперь уже Наина поняла, почему мать могла оставить в поле свою младшую дочь. Доехав до парка, где отдыхают горожане, она приказала извозчику остановиться. Сойдя с брички и расплатившись с ним, Наина взяла Аксиною и повела к лавочке, которая стояла у входа в парк.

Несмотря на то, что вечер был теплый и ясный, Наину знобило, а на душе у нее было беспокойно. Ей предстояло решить свою судьбу и судьбу ребенка. Тут же возникло желание вернуться в деревню, но настораживал один момент, как на это посмотрят односельчане?! К тому же деревенские сразу бы догадались, что черничка украла дочь помещика Говорова. Незаметно для себя, Наина вдруг расплакалась. Это проступили слезы отчаянья. Сейчас ей было так горько, что никто на свете не смог бы ее утешить, кроме Аксины.

– Мама, а почему ты плачешь? – спросила девочка.

– Что ты, я совсем не плачу, – постаралась успокоиться

Наина.

– Я же вижу, что ты плачешь, – говорила Аксиныя, – вон у тебя слезки покатались, указала она рукой на щеку. Наина взяла ее ручку и прижала к щеке.

– Никому тебя не отдам, – сказала Наина Аксиные.

Проезжающий мимо экипаж остановился, и из него вышел молодой человек, одетый в длинный сюртук черного цвета, белоснежную рубашку, с платком на шее, на нем были жилет и штаны, заправленные в сапоги, на голове красовался картуз.

– Позвольте узнать, барышня, отчего вы плачете? – спросил незнакомец.

Наина подняла глаза и посмотрела на мужчину. Весь его внешний вид располагал к себе, к тому же добродушная улыбка не оставляла сомнений, что это хороший человек.

– Я не плачу, – попыталась оправдаться Наина.

– Ну что вы, я все вижу, – снова улыбнулся незнакомец. – А рядом с вами такое прелестное дитя...

– Да, она очаровательная, – сказала Наина и еще ближе прижала к себе Аксиныю.

– И все же, у вас что-то произошло?! – настаивал на своем молодой барин.

– Произошло, – тихо сказала девушка.

– Если я могу вам чем-то помочь, то готов это сделать, – браво говорил незнакомец.

– Я одна в этом городе и не знаю, что мне делать, – распи-

салась в беспомощности девушка.

– Как вы оказались в нашем городе? – живо спросил барин.

– Это долгая история, – попыталась остановить беседу Наина.

– Не стану настаивать на вопросах. Позвольте, я довезу вас с девочкой, – предложил незнакомец.

– Мне некуда ехать, – расстроилась девушка.

– Тогда предлагаю временно остановиться у меня, – все так же весело говорил барин.

– Вы это говорите для того, чтобы просто утешить мое горе? – спросила Наина.

– Я говорю это вполне серьезно, у меня сегодня счастливый день, и я хотел поделиться этим счастьем еще с кем-нибудь, – продолжал веселым тоном незнакомец.

– Но я вас совсем не знаю и даже побаиваюсь, – осторожно сказала Наина.

– Меня не стоит бояться, я никому не делал в жизни плохого, – искренне произнес барин.

– А вдруг вы хотите заманить меня, а после погубить?! – продолжала осторожно расспрашивать незнакомца Наина.

– Что вы, это исключено, – засмеялся незнакомец.

– Позвольте отказаться от вашего предложения, – вдруг решительно сказала девушка.

И тут Наина заметила полицейского, который продвигался в ее сторону, и хоть шел он еще далеко, но сердце подска-

зывало ей, что лучше укрыться.

– Хорошо, я согласна, – быстро сказала она, – можно от-
правляться.

– Тогда прошу вас в мой экипаж, – предложил незнако-
мец...

И вот уже экипаж трясется по дороге, покидая то место,
где могла закончиться история спокойной жизни Наины.

– Мы не успели познакомиться, – продолжил разговор
незнакомец в дороге, – меня зовут Федор Столетов, а вас?

– Я – Наина, а дочь мою зовут Аксинья, – опять соврала
на счет дочери девушка.

– Вы с ней совсем не похожи, – внимательно посмотрев,
сказал Столетов.

– Она похожа на отца, – убеждала барина Наина.

– Понимаю, вопросы на эту тему больше не задаю, – улыб-
нувшись, произнес Столетов.

– А куда мы едем? – спросила Наина после небольшой па-
узы.

– Я уже говорил, что хочу предложить вам пожить, коли
захотите, у себя, – сказал Федор.

– А как же ваши родные отнесутся к нашему появлению? –
спросила девушка.

– У меня нет в городе родных, как и у вас, насколько я
понял, – продолжал барин. – Дом я приобрел не так давно,
он еще не обжит.

– Вы добрый человек, если предлагаете жить в доме неиз-

вестным людям, – искренне сказала Наина, – или, напротив, хотите что-то с нами сделать, но мне теперь уже все равно.

– Не надо меня бояться, вы считайте, что это счастливый момент в вашей жизни, – все так же добродушно говорил Столетов.

– А кто вы по своему положению в обществе? – неожиданно заинтересовалась Наина.

– Я золотопромышленник, – теперь уже несколько пафосно сказал Столетов. – Большую часть времени меня нет в городе, поэтому и хотел предложить вам пожить у себя, заодно и будете хозяйничать в доме.

– Неужели вы не боитесь селить у себя незнакомых людей? – недоумевала Наина.

– Я по глазам вижу, что вы честная девушка, – успокоил ее барин, – к тому же у вас на руках ребенок, вы не станете рисковать им?!

– Уже рискую, поехав с вами, – ответила Наина.

– Все будет замечательно, вот увидите, – поставил точку Столетов. Ему было хорошо сейчас от того, что он может помочь кому-то, потому как денег у него много, и он не может себя ни в чем стеснять.

Дом купца Федора Столетова стоял почти на окраине города недалеко от большого тракта. Двухэтажный особняк с большими колоннами на входе и множеством окон поражали воображение Наины. Это был загадочный мир, в который она должна была войти с Аксиньей, а что ждало их дальше,

об этом думать было уже поздно...

Как и говорил Федор, мебель здесь была расставлена не полностью, не все светильники горели, но этот беспорядок придавал дому некую загадочность, потому что он давал надежду на будущий уют. Мебель же при этом была массивная с инкрустацией и богатой обивкой, на одной был бархат, на другой шелк. В гостиной стоял большой шкаф для посуды, пара диванов и кресла, а также большой обеденный стол с резными ножками и стульями с высокими спинками. На столе постелена бархатная скатерть с кистями.

— Этот дом еще не обжит, потому что до него не доходили руки, — объяснял хозяин, — я приехал в город решать некоторые вопросы, а домом вообще не занимался.

— Да, здесь не хватает прислуги, чтобы привести все в порядок, — поддержала разговор Наина.

— Позвольте, Наина, предложить вам заняться обустройством дома, вы сами можете нанимать прислугу и платить им за работу, — неожиданно для гостьи сказал Столетов, — я оставляю вам деньги на содержание дома.

— Но как же так, вы совсем меня не знаете, к тому же вы здесь хозяин, — не понимала решения Столетова Наина.

— Вскоре я вновь отправлюсь на золотые прииски, остается набрать народ, а вот дом не хотелось бы оставлять без надзора. Да и вам все равно пока негде жить, — постарался убедить гостью золотопромышленник.

— Мне непонятно одно — ваша доверчивая душа, — все еще

пыталась понять хозяина гостя.

— Мне приходилось много общаться с людьми, — объяснил Федор, — я научился отличать хорошего человека от плохого, я вам доверяю.

Тут заплакала Аксинья, проголодавшись и устав от длительной ходьбы и переездов.

— Что с ней случилось? — спросил Федор.

— Она голодна, — вздохнула Наина.

— Вы располагайтесь, я сейчас привезу вам много еды...

Тут Федор быстро убежал из дома, а Наина не понимала в данной ситуации, как ей поступить. Если она согласится остаться здесь, то будет обязана Федору многим. Безусловно, подкупала его мужественность и решительность, при этом Федор был недурен собой и мог вполне нравиться женщинам. Но ее мысли заглушил детский плач.

— Асенька, потерпи самую малость, — просила девочку Наина, — дядя привезет тебе еду, пока что попьем водички.

Наина разыскала на кухне бак с водой и налила для девочки в кружку, но та отталкивала ее и продолжала плакать. Девушка насторожилась поведением ребенка. В голову полезли мысли о болезни ребенка. Что могло случиться в этот раз?!

— Асенька, что же с тобой, милая моя, мы столько уже пережили...

Вошедший в дом Федор был обескуражен криками маленького человека, который наполнил отныне мир его жилища.

– А кто у нас плачет?! – ласково сказал о. – Мы вот тут много вкусненького принесли, сейчас ты будешь сыта и весела.

Он принес столько еды, что ее хватило бы, пожалуй, на большую семью.

– Зачем вы столько принесли?! – то ли упрекала, а то ли удивлялась происходящему Наина.

– Нам нужно накормить ребенка, – улыбнулся Столетов, – а после сами поедим.

Когда ребенок сыт, в доме решаются все проблемы. И уже спустя какое-то время Аксинья была совершенно другим человеком. Она играла и что-то бормотала себе под нос, крутя в руке баранку. А когда Наина уложила ее спать, они сели с Федором за стол.

– Мы можем отметить мой счастливый день вместе, если вы не будете против, – предложил хозяин.

– У меня нет другого выхода, – спокойно ответила Наина.

– Выход всегда найдется, было бы желание, – уточнил Федор, – но мое предложение для вас остается в силе.

– Все так неожиданно, словно это происходит не со мной, – откровенно сказала гостья.

– Мне довелось много помотаться по свету. Я когда-то сбежал из своей деревни в город и начал городскую жизнь с подворотни, был мальчиком на побегушках, голодал, не один раз был бит, но я твердо решил стать богатым, чтобы никто не посмел больше меня обижать, а все шли ко мне на поклон...

– Вы упорный человек, – похвалила Наина хозяина.

– Я решительный и честный, если я берусь за какое-то дело, то довожу его до конца, – расписывал свои качества Федор Владимирович.

– Скажите, Федор, а вы, действительно мне верите? – осторожно спросила Наина.

– Верю, – утвердительно и спокойно ответил Столетов.

– Вот вы оставите меня в своем доме, а вдруг я сбегу, прихватив с собой все, что здесь имеется? – иронично сказала Наина и посмотрела на Федора.

– Не беда, я могу купить еще больше, чем вы унесете, – усмехнулся хозяин.

– И все же вы не похожи на других, – откровенничала гостья.

– Мне хотелось бы узнать о вас побольше, и это все потому, что мне интересно с вами беседовать, – продолжал спокойно Федор. Он смотрел на Наину, изучая ее по взгляду, по перемене настроения. Федору хотелось понять эту молодую женщину, так смело поступавшую в жизни, при этом имея на руках ребенка.

– Хорошо, я вам расскажу о себе все, – решила Наина, – а там вы сами примете решение, как со мной поступить.

Удивительно устроена наша жизнь, проживаем мы годы, а вся наша история может уместиться на одном листе бумаги или в нескольких предложениях. В повседневной суете, которая никогда нам не вспомнится, остаются лучшие годы.

Мы запоминаем немного важных событий, а все остальное стирается в памяти, как пыль тряпкой со стола.

Когда Федор дослушал историю Наины до конца, он словно уже знал решение ее проблемы.

– Вы будете удивлены или раздосадованы от моих слов, – сказал Федор, – но я должен их вам сказать. Положение ваше не завидное, вас в любое время могут найти, а уж тем более ребенка, на которого у вас нет документа. Здесь все очень сложно, мне бы не хотелось, чтобы вас посадили в тюрьму, а посему есть один выход.

– Какой выход? – насторожилась Наина.

– Мне не ловко о нем сейчас говорить, – загадочно отвечал Федор, – давайте вернемся к нашей беседе дня через три.

– Ну хорошо, я согласна, – не совсем уверенно сказала гостья.

– Идите к дочери, а я еще посижу над бумагами, – предложил Столетов, – дела у меня важные, просиживать без дела нет времени.

Наина легла рядом с Аксиньей и детский запах и дыхание ребенка так взволновали ее сердце, что она еще долго не могла уснуть. Размышления о событиях последнего дня захлестнули ее сознание, как волна накрывает с головой, и ты теряешь реальность времени. Наина старалась для себя понять, почему этот человек поступил так благородно, не требуя взамен даже внимания к себе и уж чего хуже – пристава-ния. Он может позволить себе все, что пожелает: надругать-

ся над ней, выбросить из дома, сдать в полицейский участок, да просто продать на рынке, как скотину. Мысли так волновали ее, что уснула Наина почти перед рассветом...

На следующее утро, когда она приготовила завтрак, и они сидели за столом, Федор составил с ней разговор.

– Мне нужно сделать в городе важные дела: закупить лошадей и оборудование для приисков, а вас я попросил бы заняться поиском прислуги, – давал наставления хозяин, – тем самым вы освободите себя от домашних дел.

– Хорошо, Федор, извините, не знаю вашего отчества, – сказала Наина.

– Мое отчество Владимирович, – пояснил Столетов, – но между нами не может быть отдаленности, не так ли?!

– Я пока ничего не могу сказать, – застеснялась Наина.

– Я попросил бы вас, Наина, сходить за одеждой, – сменил тему беседы хозяин, – хочу, чтобы вы и Аксинья были самыми нарядными в городе.

– Как же так, ведь мы еще не заработали себе на роскошь?! – удивилась гостя.

– Вы не должны беспокоиться, денег у меня хватит, – несколько вальяжно ответил барин.

– Я благодарна вам за вашу доброту, – искренне сказала Наина и нежно посмотрела на Федора. И, возможно, этот взгляд проник в душу хозяина. Ему вдруг стало так хорошо от нежности этой молодой мамы.

– Мне это приятно делать для вас, – ответил он взаимно-

стью.

Федор достал из кармана большую пачку денег и, не считая, положил часть на стол.

– Надеюсь, что вам на сегодня хватит этих денег, – сказал Столетов.

– Федор Владимирович, это же много?! – удивившись и при этом смутившись, попробовала возразить Наина.

– Не жалейте денег! – гордо сказал Федор. – Их всегда будет много. С этими словами он встал из-за стола и пошел собираться к отъезду.

Когда Наина, накормив Асю, а затем одев ее, вывела из дома, то была обрадована теплоте и свету дня. На душе было так хорошо, что мир казался ей бесконечно добрым. Девушка остановила проезжающую бричку.

– Куда прикажете, барыня, ехать? – спросил извозчик.

– Я плохо знаю город, – пояснила Наина, – но мне надо приобрести одежду себе и дочери.

– Я отвезу вас в ряды купца Златопольского, – предложил извозчик, – у него чего только нет, хоть цены и кусаются.

– Будьте великодушны, отвезите нас туда, – попросила Наина.

– Ну коли так, поехали, – улыбнулся извозчик и, взмахнув вожжами, ударил ими по бокам лошади, отчего последняя рванулась с места, и бричка покатила по дороге.

Когда они подъехали к торговым рядам, Наина попросила извозчика подождать их, на что тот охотно согласился. Ка-

ких только нарядов не было в этих рядах, казалось, что можно купить все, что пожелает душа. Но в один момент к ней подошел мужчина.

– На вашу красоту наряды здесь бледные, – сказал он, – я могу пошить вам все, что пожелаете.

– Нет. Зачем же, мы здесь подберем, – растерялась Наина.

– Да вы не подумайте обо мне плохого, – успокоил мужчину, – я хозяин этих рядов Златопольский. Слыхали обо мне?

– Ну да, что-то слыхала, – неуверенно ответила Наина.

– У меня есть своя мастерская, уж вам там такой наряд сошьют, весь город будет завидовать, – хвалился купец.

– Мне достаточно будет того, что имеется у вас здесь, – все еще сопротивлялась девушка.

– Акель! – крикнул Златопольский, и тут же появился невысокого роста еврей с большой кудрявой шевелюрой на голове и маленькими хитрыми глазками. – Ты вот что, сними с барыни мерки, она закажет у тебя платье, только ты уж получше сделай и подешевле.

– Все будет исполнено, Абрам Гравитанович, – заискивающе улыбнулся еврей и при этом поклонился хозяину.

– Позвольте, – хотела возразить Наина, но хозяин рядов остановил ее.

– Не волнуйтесь, барыня, это будет стоить не дороже, чем в этих рядах, – успокоил Златопольский, – но красоты будет неопишуемой. Мы и маленькую барыню оденем.

Когда мерки были сняты, Златопольский спросил адрес,

куда доставить наряды.

– Позвольте, барыня, узнать ваш адрес, куда необходимо доставить готовые платья? – спросил купец.

– Я не знаю куда, – робко сказала Наина.

– Я вас плохо понимаю, барыня?! – удивился Абрам Гравитанович, – мне нужен дом, куда доставить ваши наряды, они будут готовы уже завтра.

– Я могу приехать за одеждой сама, – постаралась убедить купца Наина.

– Это не принято, барыня, – рассудительно говорил купец, – мы все сделаем, как полагается, жду от вас адрес.

– Дом Федора Столетова, золотопромышленника, – сказала Наина.

– Вот так бы сразу и говорили, барыня, – теперь уже расплывался купец в улыбке, – такому человеку честь и уважение.

Извозчик дождался Наину и Аксинью. Они поехали домой в хорошем расположении духа, совсем забыв о прислуге, которую надо было ей подыскать.

– Понравились вам, барыня, ряды Златопольского? – спрашивал извозчик.

– Да, много чего у него имеется, – отвечала Наина.

– А чего не найдете в рядах, назавтра доставит, – усмехнулся мужик, – богатый он купец, на всю округу известный.

– Согласна, все у него есть, – теперь уже утвердительно говорила девушка.

– Я, барыня, вам хочу байку одну рассказать,– продолжал извозчик.

– А мне это зачем? – удивленно спросила Наина.

– Да вам это ни к чему, – сказал извозчик, –но баит Гришка, что в городе ищут молодую девушку. Она сбежала из приюта, прихватив девчонку. Уж говорит, что всю полицию подняли, хотят во что бы то ни стало их найти.

– А что же за девушка такая? – спросила Наина, словно не понимала, о чем разговор.

– А кто же ее знает, нам это дело неведомо, – ответил извозчик. – А девчонка, баит Гришка, дочка барина Говорова.

– Думаешь найдут ее? – хитро спросила Наина.

– Куда нам думать, – вновь усмехнулся извозчик, – только ведь рано или поздно вскроется кража.

– Пусть ищут, а ты побойчей поезжай, мне ребенка кормить,– теперь уже приказала Наина.

– Слушаюсь, барыня,– сказал извозчик и пришпорил коня.

Расплатившись с ним после приезда, Наина быстрым шагом направилась в дом Столетова, крепко держа Аксинью за ручку, словно боялась ее потерять. Закрывши за собой дверь, она предалась унынию. Получалось так, что теперь она не сможет даже выйти на улицу, иначе будет схвачена и отправлена в тюрьму, а Аксинью потеряет навсегда. От этих мыслей у нее разболелась голова, да и Аксинья принялась плакать, то ли переутомившись от поездки, то ли еще по ка-

кой причине. Когда поздно вечером Столетов вернулся домой, Наина встретила его с повязкой на голове.

– Что же тут без меня произошло? – спросил он Наину. – Неважно себя чувствуете?

– Да, голова у меня разболелась, – ответила Наина.

– Это плохо, я поеду за доктором?! – предложил Федор.

– Что вы, не нужно, все пройдет, – отговаривала Наина хозяина.

– Ну хорошо, – сказал Столетов, – как у вас прошел день?

– День был и хорошим, и плохим, – ответила девушка.

– Вот как?! Что же произошло? – продолжал интересоваться хозяин. – Вы купили наряды?

– Мы были в рядах Златопольского, – нерешительно сказала Наина.

– Вон куда вы попали?! – несколько удивился Столетов. – И как вам наряды?

– Златопольский упросил меня пошить платье мне и Аксинье, – словно извинялась Наина.

– Это замечательно, у него прекрасный мастер Акель, кажется так его зовут?! – сказал Федор со знанием дела.

– Именно так, – подтвердила девушка.

– В какой срок он пообещал пошить их? – вновь спросил Федор.

– Завтра их доставят в ваш дом, – ответила Наина.

– Не терпится посмотреть на наряды, – заинтересовался хозяин.

– Вот только на обратном пути нас ждало разочарование,
– вдруг поникла Наина.

– Вот как?! – удивился Федор. – Что же случилось с вами?

– Извозчик, который подвозил нас, сказал, что в городе облава, ищут женщину с девочкой, – совсем уже безнадежно говорила Наина.

– И вы догадались? – осторожно спросил Столетов.

– Да, я все поняла, – удрученно ответила девушка.

– Не надо отчаиваться! – подбодрил Федор. – Помните наш вчерашний разговор?

– Я все помню, – тихо сказала Наина.

– Я уже знал все про вас, – неожиданно для Наины признался хозяин.

– Как же так?! – растерянno сказала девушка. – Вы должны были сдать нас в участок?!

– Я никому ничего не должен, – твердо сказал Федор Владимирович, – а вот мне многие должны, но это не про вас. Так вот, я отложил наш вчерашний разговор на три дня с одной лишь целью.

– С какой целью? – не понимала Наина.

– Я хотел, чтобы вы получше меня узнали, – спокойно сказал хозяин.

– Я вас не понимаю?! – все еще была в растерянности Наина.

– Ради вашего спасения я хотел, чтобы вы стали моей женой, – вдруг сказал Федор. Наина даже содрогнулась от этих

слов. Нет, она не испугалась, но такие слова были сказаны ей впервые. Она, девушка, которая отказалась от семейных уз, теперь слушала такие слова. В ней что-то оборвалось внутри, и сердце забилось учащенно.

– Женой?!– не вдаваясь в смысл слова, сказала Наина.– Но это невозможно, я ушла в келью для того, чтобы молиться и не думать о замужестве.

– Вы уже изменились после того поступка,– убеждал он Наину,– когда нашли на дороге девочку и не отдали ее матери...

– Я не смогла этого сделать из-за того,– вновь Наине пришлось оправдываться,– что понимала, как жестко поступила ее мать.

– Как бы она не поступила, но она- мать и могла одумать-ся, и вернуться за девочкой,– объяснял Столетов.

– Вы меня осуждаете, как все?– резко спросила Наина.

– Я хочу вас спасти,– постарался спокойнее сказать Федор.

– Спасибо вам за приют, но я ухожу,– неожиданно сказала Наина и развернулась, чтобы уйти.

– Пойдите! – остановил ее Столетов.– Вы сделаете еще один неверный шаг и, возможно, последний...

– Я запуталась, и мне теперь уже все равно,– уставшим голосом сказала Наина и села в кресло.

– Не опускайте руки,– подбадривал Федор.– Если бы вы знали, сколько опасностей, нападений и угроз узнал я в сво-

ей жизни, но я ничего и никого не испугался. Я хотел бы передать свою уверенность вам.

– Поймите меня, Федор, я могу подставить вас под удар, – искренне говорила девушка.

– Если я что-то решил, то иду до конца, – твердо заявил Столетов. – Я с вами и готов помочь вам. Но вы меня не дослушали. Я предлагаю вам брак ради вашего спасения. Под моей фамилией вы будете под защитой.

– Но Аксинья не моя дочь, – напомнила Наина.

– Я все понимаю, – сказал Федор. – Брак я вам предлагаю не навсегда. Пройдет время, и вы можете расстаться со мной, – объяснял Столетов. – Аксинью мы тоже запишем на мою фамилию. Если хотите, мы сменим ей имя?!

– Нет, я уже поменяла ей имя, данное от рождения, – возразила девушка.

– Соглашайтесь, Наина, – добавил Федор, – завтра я отвезу вас за город в церковь Архангела Михаила, и мы повенчаемся.

– Позвольте мне подумать эту ночь, – тихо сказала Наина.

– Прошу вас думать не всю ночь, а хоть немного отдохнуть, – улыбнулся Столетов.

– Хорошо, – уже спокойно сказала Наина, – спасибо вам, Федор Владимирович, за заботу о нас.

– Я готов ради вас на все! – пылко произнес Федор. Как ему хотелось в этот раз прижать эту беззащитную девушку к себе, чтобы она почувствовала сильные мужские руки и

поняла зародившиеся в нем чувства.

– Спокойной ночи, – произнесла Наина, словно ожидая, что ей скажет Федор в следующее мгновение. А ей так хотелось быть под защитой сильного человека.

– Спите спокойно и ни о чем не думайте, – со всей заботой, словно родитель, сказал Федор.

Но как могла Наина уснуть, когда назойливые мысли не покидали голову и как нарыв набухали, ожидая момент, когда разорвутся, и только после этого может наступить облегчение. Она перебирала в памяти все моменты находки девочки, побег из деревни и события, произошедшие в городе. Не спалось. Наина прислушивалась ко всем шорохам в доме, ей хотелось к тому же понять, где сейчас Федор. А ведь он может войти в комнату, чтобы пожалеть ее. Она думала об этом, но тут же застыдила себя и начала читать молитву. И вдруг ей стало страшно от мысли о том, как же она будет исповедоваться перед батюшкой в своем грехе. Он заставит ее вернуть ребенка и замаливать свой поступок до конца дней. Но теперь это сделать уже невозможно, потому что незамедлительно попадет в тюрьму или на каторгу. А может лучше так и поступить, пойти и все рассказать в полицейском участке, а после пусть что хотят, то и делают с ней. Мысли, как волны, одна захлестывала другую, не давая даже хорошо подумать и принять какое-то решение.

Утро застало ее всю разбитую, и когда она встретилась с Федором, он был удивлен ее состоянию.

– Вы так и не уснули за всю ночь? – спросил он.

– Нет, – вздохнув, ответила Наина.

– И, конечно же, сомнения глодали ваш разум? – продолжал хозяин.

– Все так и было, – равнодушно ответила девушка.

– Вы напрасно убиваетесь, – постарался успокоить ее Столетов, – я же сказал, что моя помощь спасет вас, иначе я не стал бы приглашать.

– Мне страшно! – откровенно сказала Наина.

– Вы боитесь преследования полиции или замужества, пусть даже не настоящего? – напрямую спросил Федор.

– Я теперь всего боюсь, – ответила Наина.

– Будьте покойны, все встанет по своим местам, я вас не дам в обиду, – по-мужски твердо сказал Столетов.

– Спасибо вам, – потупив взор, промолвила девушка.

И тут в дверь постучали. Наина вздрогнула. Ей вдруг показалось, что это полицейский разыскал ее, и теперь наступит час расплаты.

– Мне надо укрыться? – испуганно спросила Наина.

– Нет. Вам незачем это делать, вы в моем доме, и сюда никто не посмеет войти, – успокоил ее хозяин.

Федор сам пошел к двери, а когда открыл ее, то увидел Акеля, который привез наряды для Наины и Аксины.

– Я, барин, привез наряды вашей супруге и дочери, – широко улыбнувшись, сказал портной.

– Премного вам благодарен, – спокойно ответил Столе-

тов,— сколько с нас полагается за работу.

— Тридцать рублей, барин,— еще больше расплываясь в улыбке, выдал еврей.

— Получите,— опять же спокойно сказал Федор и отсчитал ему деньги, дав сверху еще пять рублей. Отчего портной был несказанно счастлив и почти бегом покидал дом Столетова, словно боялся, что барин передумает.

— Это же очень дорого! — сказала удивленная Наина.

— Это красиво, а красота стоит денег, — радовался хозяин новым нарядам, точно они были пошиты для него самого, и тут же добавил, — прошу вас, примерьте эту красоту.

Наина взяла свое платье и платье Аксиньи и они пошли примерять наряды. Федор смотрел ей вслед, ему было так хорошо оттого, что рядом с ним сейчас такая красивая девушка, которая не знала в своей жизни любви и хотела заточить себя в келье. Наина, в свою очередь, сияла от счастья. Впервые в жизни она наденет такое платье, о котором даже невозможно было мечтать в деревне. В эти минуты забылось прежнее отречение от мирской суеты.

Когда Наина вышла в новом платье и вывела за ручку Аксинью в не менее красивом наряде, сердце Столетова заиграло.

— Неужели это вы?! — восторгался Федор. — Я в жизни не видел красивей девушки и маленькой барышни. Я безумно счастлив, теперь только на венчание! — крикнул он.

— Но погодите, — кокетничая, сказала Наина.

— Нет! — решительно продолжал Столетов, переполненный чувствами. — Или сейчас или никогда!

Федор даже не дал Наине опомниться, он взял Аксиныю на руки и понес из дома, девушка пошла следом. Откуда ей было знать, что Федор Столетов уже побывал в этой церкви заранее и встречался с батюшкой. По предварительному с ним уговору, батюшка не должен был спрашивать Брачный обыск, где содержались бы сведения о нем и Наине, и устанавливающий отсутствие препятствий к совершению их брака. Тут надо заметить, что в Брачном обыске содержались сведения о звании и состоянии молодых, место жительства, возраст, отсутствие плотского и духовного родства, семейное положение, взаимное согласие и отсутствие принуждения, согласие родителей или иных лиц, требуемых по закону. Этот обыск подписывался женихом и невестой, двумя или тремя поручителями и причтом церкви. Не упускал документ и благословение родителей.

Всю дорогу до церкви Наина была в растерянных чувствах. В ней боролся протест против вступления в отношения с мужчиной, свои убеждения на безбрачие и желание спасти себя и Аксиныю. Борьба в ней усиливалась с каждой минутой приближения к пугающему ее обряду венчания. Понимая эту неизбежность, Наина в то же время усиленно придумывала, как его избежать. Ей захотелось даже выпрыгнуть на ходу из кареты, пусть даже она убьется насмерть, но только не пойдет на этот сговор. Но маленькое

существо, которое сидело у нее на коленях, не давало этому свершиться.

– Вы слишком взволнованы, Наина, – сказал ей Федор, который долгое время наблюдал за ней.

– Мне очень страшно, – откровенно сказала девушка, – я совершаю еще один грех...

– Чего вы боитесь больше: пойти на каторгу за свой поступок или стать моей женой и обрести полную свободу?! – убеждал Наину барин.

– Поймите меня верно, я перешагиваю через свои убеждения, – попыталась возразить Федору девушка, – я ломаю уклад своей жизни и свои взгляды, я поклялась когда-то себе в том, что никогда не стану даже смотреть в сторону мужчин...

– Я уверяю вас, что сейчас я иду на этот шаг только ради вас и Аксины. – продолжал Столетов. – Я хочу вас спасти. Другое дело, если вы не питаете и никогда не будете питать ко мне чувств – это сейчас не главное. Я скоро уеду на прииски, и вы останетесь одна, вам можно делать все, что угодно.

– Я так не могу... я не могу идти на обман! – взволнованно сказала Наина.

– Хорошо, я готов развернуть карету, – серьезно сказал Федор, но знайте, вас сразу же схватят в городе, и ваша свободная жизнь закончится, вы навсегда потеряете Асю...

– А как мне жить с обманом дальше? – в волнении спросила девушка.

– Поверьте, Наина, ваш обман с ребенком стоит гораздо большего в определении греха и судебного обвинения, – уже без прежней убежденности сказал Столетов.

– Я запуталась, поймите меня, – растерянно произнесла Наина.

– Я все понимаю, поэтому хочу вас спасти, – вновь вернулся к своим убеждениям Федор Владимирович.

– Как я посмотрю в глаза батюшке, если я вся лживая?! – вспыхнула Наина.

– А кто не без греха?! – вдруг ответил Столетов. – У вас будет время замолить свои грехи, уверяю вас.

– Вы такой уверенный человек, с вами не страшно, – постаралась успокоить себя Наина.

– Я многое переборол в себе, прежде чем стать таким, но это моя жизнь, – сказал уверенно Федор.

– Я буду слушать все, что вы скажете, – вдруг сникла Наина.

– Вот и хорошо, мы уже подъезжаем, – спокойно сказал Столетов.

Когда Наина вошла в церковь, сердце ее сжалось. Никогда еще прежде она не испытывала в себе такого страха, хотя прежде исправно ее посещала. И причин здесь было немало. Она совсем не знала человека, с которым должна связать свою жизнь, пусть даже, по его разумению, не по – настоящему. Наина понимала, что можно обмануть себя, но Бога не обманешь, он все видит и воздаст после сполна. А еще ее

пугали два молодых человека, которые встретили их у церкви, уже позднее она узнает, что это были поручители.

В церкви, кроме молодых находились только поручители, поэтому волнение Наины утихло, и она чувствовала себя спокойно.

Когда головы молодых покрыли церковными венцами, она отчетливо поняла, что ее судьба решена. В конце обряда священник надел молодым кольца, которые, как опять же выяснилось позднее, Федор заранее привез в церковь. Здесь удивил Наину тот факт, как он так хорошо подобрал по размеру кольцо на ее палец.

После венчания Наина Павловна получила фамилию Столетова, как, впрочем, и Аксинья. Вместе с браком она получила и титул, отныне ее должно называть купчиха. Когда они вернулись домой, здесь Наину ждал невероятный сюрприз. В столовой был накрыт большой стол, заполненный всевозможными яствами. Красиво одетые молодые люди подносили угощения, которых приготовили столько, что хватило бы на большую свадьбу, но это событие Столетовы встречали своей семьей.

– Это все для нас?!– восхищенно спросила Наина.

– Это наш первый семейный обед,– спокойно сказал Столетов.

– Я не могу пока осознать, что все это произошло со мной,– пребывая в приподнятом настроении, сказала Наина. Она была, прежде всего, удивлена и обрадована в церк-

ви тем, что батюшка не спрашивал про ее прошлое, исчезло напряжение в ее теле и мыслях, а уж когда вышли из церкви, свежий воздух придал ей хорошего настроения.

– У вас есть время принять это событие как факт, – твердо сказал Федор Владимирович.

– Вы не обижайтесь на меня, – откровенно сказала Наина, – но у меня нет к вам тех чувств, какие вы ждете, я холодная в отношении с мужчинами.

– Я подожду, – спокойно ответил Федор.

И все в семье Столетовых пошло своим чередом. Аксинья была спокойной девочкой, не доставляя родителям лишних хлопот. Она пока не называла Федора Владимировича папой, но тянулась к нему. Он же, в свою очередь, много с ней занимался, и теперь даже сам укладывал Асю спать. Сказки, который он ей сочинял, большей частью были про Сибирь и золото. Федор, словно маленький ребенок, сам верил в то, о чем сочинял. Однажды в их дом пришел полицейский. Визит его стал неожиданным.

– Это дом купца Федора Владимировича Столетова, так я понимаю? – спросил гость.

– Все верно, – ответил Федор.

– Позвольте узнать, кем вам приходится молодая особа с ребенком? – продолжал расспрашивать мужчина.

– Это моя супруга Наина Павловна Столетова и наша дочь Аксинья Федоровна Столетова, – спокойно и уверенно ответил хозяин.

– Вот как?! У вас имеются на них документы? – настаивал на своем полицейский.

– Собственно, что вам здесь нужно? – вдруг решительно спросил Федор. – Кто вам позволил чинить здесь допрос?

– Я имею поручение разыскать молодую девушку, укравшую ребенка, – сказал пришедший, не повышая голос.

– Смею вас заверить, что такой девушки здесь нет, – твердо сказал Федор Владимирович.

– Я еще раз попрошу предъявить документы, – настаивал на своем полицейский.

– Да кто вы такой?! – уже повысил голос Столетов. – Я напишу письмо городничему, уж он то меня хорошо знает, посмотрим, как вы будете после разговаривать, – теперь уже Столетов был раздражен, и это чувствовалось не только в его словах, но и во всем теле, он готов был в любую минуту вышвырнуть полицейского из дома.

– Да мы что?! – вдруг осекся квартальный. – Нам велено, мы исполняем.

– Я попрошу вас немедленно покинуть мой дом! – крикнул Федор Владимирович.

– Всенепременно, – убитым голосом сказал квартальный надзиратель, – покорнейше прошу меня извинить.

Квартальный ушел еще быстрее, чем прежде появился в доме Столетова. Он вдруг из напыщенного полицейского, получившего небольшую власть, сделался маленьким человеком, беззащитным и униженным, каковым он считал себя.

– Вы сами видите, Наина, как могло бы все случиться. Надеюсь, я поступил верно?! – немного успокоившись, сказал хозяин.

– Вы все сделали правильно, спасибо вам, – поддержала мужа Наина.

– Я предлагаю вам совершить поездку на «стимботе», – после некоторого времени предложил Столетов жене.

– А что такое «стимбот»? – не понимала Наина.

– Это английское название нашего «парохода». Нам привычнее говорить «пароход». Скажу вам, что это удивительная новинка. Чарльз Берд построил когда-то пароход «Елизавета», он был единственным, а теперь их уже много...

– А это не страшно? – с каким-то сомнением спросила Наина.

– Что не страшно?! По реке и морю плыть? – Столетов словно не понял жену или же хотел показать свои знания в этом деле. – Это прекраснейшее путешествие. Мы поедем от столицы до Кронштадта. И заметьте, наш путь займет чуть больше трех часов.

– Я согласна, – сказала Наина.

– Мы уедем из города, а тем временем тут все успокоится, и нас перестанут тревожить эти люди, – постарался убедить прежде всего себя Федор.

– Поступайте так, как считаете необходимым, – спокойно сказала жена, – я согласна на все, что вы задумаете...

Можно ли описать словами путешествие на пароходе, ко-

гда ты видишь, как два огромных гребных колеса захватывают воду и перекачивают по своим лопастям, а из длинной трубы идет дым. Ты стоишь на палубе и смотришь вдаль. Морской простор – это мир фантазии, когда тебе видится бесконечная синь за бортом, сливающаяся с небесной синью, а еще огромные чайки, которые не преминут сесть на поручни для передышки и совсем не пугаются взгляда людей. Эти впечатления Наина долго еще хранила в своей памяти. Но самым неожиданным моментом в этой поездке стало одно важное событие. Они стояли на палубе, любуясь красотой.

– Послушайте, Федор, мне никогда не было в жизни так хорошо! – Наину переполняли добрые чувства.

– А мне хорошо с вами с первых минут, как я вас увидел, – признался Федор.

– Нас свел случай, не правда ли? – спросила Наина.

– Это, Наина, судьба, – с полной уверенностью ответил Столетов.

– Вы столько претерпели из-за нас с Аксиньей, – словно извинялась женщина.

– Мне было приятно помогать вам, и не нужно говорить об этом, – все так же спокойно и уверенно говорил муж.

– Помните, я вам сказала, что не смогу полюбить вас? – вдруг неожиданно задала вопрос Наина.

– Помню, – осторожно ответил Федор Владимирович.

– Не верьте мне, теперь вот здесь, на пароходе, я поняла, что вы мне очень дороги! – с пылкой страстью произнесла

Наина.

– И я теперь уже не смогу прожить без вас,— ответил взаимностью муж.

Наина прижалась к Федору и подняла голову. Это движение и стало сигналом к долгому поцелую. Все дальнейшее путешествие протекало в полной гармонии, они забывали обо всем и были увлечены друг другом, при этом Аксинья нисколько им не мешала.

По приезду в свой город, они узнали, что к ним неоднократно наведывались какие-то люди, а рассказал им об этом сосед – помещик Огрызов.

– По вашу душу, Федор Владимирович не один раз спрашивались,— хитро сказал сосед.

– И кому я мог понадобиться? – спрашивал Столетов. – Непонятно?!

– Вполне даже понятно! – горячо говорил сосед. – Появлялся тут дознаватель, приезжали люди от Говорова, того самого, у которого дочку выкрали, – со знанием дела продолжал Огрызов.

– Как же вы могли узнать, кто они такие? – спросил соседа Федор Владимирович.

– Так как же не знать, коли я с ними беседу составил,— отвечал сосед.

– И что же вы им говорили?— настаивал Федор.

– Сказал, что живет тут с недавних пор молодая барышня с ребенком, но кто они, мне неизвестно, – ответил Огрызов.

– А как вы сами считаете, Порфирий Иванович, кем мне приходится молодая женщина и ребенок?– вывел соседа на откровенный разговор Федор Владимирович.

– А кто же про это знает?! Тайна, она и есть тайна,– хитро ответил сосед.

– Так я вам вот что скажу, Порфирий Иванович, Наина Павловна моя жена, а Аксинья моя дочь,– решительно сказал Столетов.

– Тогда точно не те, кого ищут, потому как девочку они называли Катериной,– засомневался Огрызов.

– И впредь я бы попросил вас, Порфирий Иванович, не обсуждать с посторонними мою жизнь, – сдерживая себя от возникшего раздражения, сказал Федор Владимирович.

– Оно, конечно, так, но люди сказали мне, что на днях еще приедут, – не унимался сосед,– когда вы возвратитесь.

– Хорошо, что хоть предупредили меня, покорнейше прошу извинить, – попытался сказать спокойно Столетов, но в душе у него все кипело.– У меня нет времени на долгую беседу.

– Будьте здоровы, Федор Владимирович, – теперь уже заискивающе сказал сосед.

Когда Столетов вернулся домой, Наина словно уже понимала, что произошло что-то неприятное.

– О чем же вы так долго беседовали с соседом?– поинтересовалась она.

– Мы обсуждали хозяйственные вопросы, как лучше обу-

строить дом,— соврал муж.

— А лица у вас были напряженные, словно о чем-то спорили,— допытывалась Наина.

— Так один другому доказывал, чей дом выглядит лучше,— опять же соврал Федор.

— Теперь уже все путешествия закончились? — спросила Наина.

— Тут такое дело,— начал немного растерянно Федор,— надо бы у родителей наших побывать, сообщить им про наше венчание.

— Что вы, Федор,— испугалась Наина,— я ни за что не поеду к своим родным, они вообще должны меня забыть ...

— А к моим следует съездить, хоть на несколько дней,— настаивал муж.

— Воля ваша, я не смею противиться,— согласилась жена.

Федор не мог сразу рассказать Наине о том разговоре с соседом и о людях, которые разыскивают Аксиныю. Теперь он уже был в ответе за их судьбы. Весь следующий день прошел перед поездкой в хлопотах. Хозяин отлучился на несколько часов по своим делам, и Наина, теперь уже хозяйка этого дома, задумалась о том, как создать для семьи уют, чтобы всем в нем было хорошо, хотя понимала при этом, что Федор скоро должен уехать на прииски.

Вернулся муж поздно, он был уставшим и малоразговорчивым. Поужинав, Федор поиграл немного с Аксиной, и сам уложил ее спать, а после вышел к Наине.

– Я должен сообщить, что завтра мы уезжаем, уже подготовлен экипаж, который приедет за нами ранним утром, сообщил он.

– А чем вызвана такая спешка?– спросила Наина.

– Нам всем будет лучше уехать сейчас из города, – сказал Федор Владимирович, не раскрывая свои планы. – Я непременно расскажу вам о причине, но немного позже.

– Что я должна сделать сейчас? – спокойно спросила Наина.

– Я бы очень хотел обнять вас и прижать к себе, – сказал Столетов.

– Я тоже этого хочу ...

Ранним утром к дому Столетовых подъехал экипаж. Они погрузили свои вещи и поехали в деревню, где когда-то жил Федор. Ехать до нее было неблизко. Аксинья спала на коленях у Федора, а он в это время любовался своей женой.

– Как я понимаю, ехать нам предстоит далеко? – спросила шепотом Наина.

– Так далеко, что не верится, когда мы туда доедем,– сказал Федор непонятно то ли в шутку, то ли всерьез.

– Опять мы убегаем от кого-то? – грустно спросила Наина.

– Проснется Ася, и я все вам расскажу...

Аксинья совсем не думала просыпаться, ей было приятно спать на коленях у Федора. Время от времени выглядывая в окно, Наина видела природу, которая сопровождала их путь. Деревья словно кивали им вслед, провожая в дальнюю

дорогу. Теперь уже стояла золотая осень, самое яркое время года, когда природа обретает новые краски, радующие глаз своей неповторимой красотой. Словно художник с кистью, она мазками окрашивает деревья в разные цвета, придавая им неповторимость и очарование. Воздух в это время становится терпким и пьянящим. А первый листопад извещает о приближающейся зиме, когда деревья должны будут сбросить листья, чтобы выжить в суровое время года. Словно золотыми монетами откупаются они за свою жизнь перед суровой зимой. И эта закономерность природы всякий раз волнует нас и заставляет размышлять о прекрасном и вечном. Ближе к обеду они приехали на почтовую станцию, где нужно было сменить коней и отдохнуть самим от дорожной тряски. Аксинья уже проснулась и была в хорошем настроении.

Станционный смотритель Лука Приказчиков оказался человеком хитрым и скупым, правда, скупость его была, отчасти, от нужды, потому как получал он свои почтовые крошечные, а содержание хозяйства стоило немалых денег, в него входило: уход за лошадьми, ремонт экипажей, прием проезжающих. Тут необходимо во всем угодить гостям, дабы они не избили во гневе или не пожаловался почтмейстеру. Словом, смотритель во многом зависел от кармана и доброты проезжающих. А уж для тех, кто ехал на своих повозках, лошадей у него, как случалось, не находилось в наличии, все были в разгоне. А вот ежели ты поедешь на перекладных, будет тебе кибитка добротная и лошади посвежей. Но не все

соглашались на перекладных, потому как постоянно приходилось перекладывать свой багаж, да и кибитки были не всегда чистые и исправные.

— Ваше благородие, — обратился Лука к Столетову, — как изволите продолжить путь, на своих или перекладных?

— Мне вашего экипажа не надо, ты мне лошадей давай хороших, — строго сказал Столетов.

— Да где же их, ваше благородие, взять, все в разгоне, — извинялся смотритель.

— А коли врешь, что тогда? — спросил Федор Владимирович. — Я тебе хорошо заплачу за прогон, — добавил купец.

— Так бы и говорили наперед, — уже совсем другим тоном сказал Лука.

— А ты слушать должен, а не языком чесать, — строго сказал Столетов.

— Не извольте, барин, гневаться, — раскланивался Лука перед гостем.

— Ладно, на том и порешим, ты вот что, угости нас хорошо, путь у нас дальний, — наставлял Столетов.

— Всенепременно, ваше благородие, — расшаркивался смотритель.

Он убежал за занавеску, и тут же к гостям вышла его дочь Аглая, девушка с черными, как ночь, глазами, длинной темной косой и статным телом, первостепенно в котором выделялись груди, еще не опущенные и твердые. Такую девушку можно было полюбить с первого взгляда, отчего смотритель

всегда боялся молодых гостей. Она вынесла самовар и поставила его на стол. Уходя снова за занавеску, девица мельком взглянула на Федора. Неизвестно, по каким причинам, но сердце его ёкнуло. Словно острая игла вонзилась в него и застряла, всколыхнув при этом чувство проезжающего купца.

Смотритель вынес на блюде мясо, хлеб. Следом Аглая принесла соленья, баранки и куски сахара.

– А щи у тебя имеются? – спросил Федор.

– Всенепременно угостим вас щами, – сказал Лука и тут же крикнул дочь, – Гуля, неси щи.

Из-за занавески вышла с чугуном Аглая, в ее походке было что-то манящее и зовущее к себе. Теперь Федору больше хотелось уже не есть, но смотреть на эту красоту.

Может ли женщина не понять перемены в мужчине, даже если она знает его совсем немного, но интуиция подсказывает ей во всех спорных и неразрешимых вопросах.

Аглая не появлялась больше из-за занавески, хотя Федор время от времени и поглядывал туда. Обед прошел быстро, потому как дорога не ждала. Появившийся Лука пригласил их в экипаж. Последовав за смотрителем на улицу, Федор Владимирович затем усадил Наину и Аксию на места, а сам сказал, что пойдет рассчитается за поездку, и они вдвоем ушли в дом.

– Вы, ваше благородие, не пожалеете, – убеждал купца смотритель, а в этом голосе чувствовалась ущемленность

этого беззащитного человека перед чинами и буйными характерами проезжающих,— коней вам дал хороших, только вот оглобля одна у экипажа надтреснутая, ежели далеко еще ехать, так замените на следующей станции.

— А у тебя можно заменить? — спросил Столетов. — Коли что, я могу подождать, — продолжал воодушевленно Федор и посмотрел на занавеску, за которой находилась Аглая. Ему казалось, что он слышит дыхание девушки. Это заметил Лука, который именно таких моментов и боялся.

— Что вам, барин, задерживаться здесь, у меня сейчас помощника нету, на службу в церковь ушел за две версты, когда вернется — неизвестно,— смотритель хотел как можно скорее проводить гостя, испугавшись, кабы не получилось ничего дурного с его дочерью.

Был уже случай, когда такой же прыткий барин, только тот называл себя писателем, который путешествует по России, захотел увезти Аглаю в город, чтобы она там обучалась грамоте. Горы ей насулил, а та и разомлела, даже вступила в спор с батюшкой. Пришлось ее запереть в комнате для приезжих, а писателя этого в срочном порядке отправить со станции. Выпустил Лука тогда Аглаю из комнаты только на следующий день, боясь, что побежит вдогонку за писателем, зная ее характер.

— Ну хорошо, тогда прощай, увидимся еще,— сказал Федор и вдруг, отстранив смотрителя в сторону, раздвинул занавеску и оказался лицом к лицу с Аглаей, которая наверня-

ка подслушивала их разговор.

– Я еще вернусь к вам,– пылко сказал Столетов.

– Зачем? – растерянно спросила Аглая.

– Так надо. Жди меня, всенепременно жди, – выпалил Федор и побежал на улицу. Испуганный происходящим Лука даже не смог сдвинуться с места. Аглая не понимала произошедшего, но ей было так приятно, что молодой барин заинтересовался ею.

В экипаже молчали. Наина впервые в жизни испытала неведомое ей доселе чувство -ревность. Нет, она не хотела даже думать о той девушке, но поведение Федора заставило ее усомниться в искренности его слов, когда он отвечал священнику, что готов взять в жены Наину. Почему же она так беспокоится, ведь он сразу говорил ей, что это венчание – путь к спасению ее от тюрьмы и не более того, но зачем тогда он целовал ее на пароходе, к чему были пылкие слова. Обман. Это всего лишь обман мужчины, которым, как она и предполагала раньше, вообще не стоит доверять. Ах, как ей захотелось сейчас вернуться в свою келью и молиться, усердно молиться за спасение своей души. А рядом нет никого, кто бы мог пожалеть ее, хотя жалось Наина не принимала ни в каком виде.

– Вы о чем-то печалитесь? – спокойно спросил Федор жену, когда они выехали на большую дорогу.

– Нет, печаль мне не свойственна,– пыталась отговориться Наина.

– Я чувствую, что вы опечалены, и смею догадаться, что причиной тому стала дочь смотрителя, не так ли?!– настаивал Федор.

– Что вы, я о ней даже не подумала,– попыталась соврать Наина.

– Хотелось бы мне верить, что это так, потому что невозможно видеть печальную женщину, – рассуждал Столетов.

– Послушайте, Федор Владимирович, зачем вы везете нас в деревню, пора уже открыться?! – серьезно спросила Наина.

– Да, я все вам поведаю,– согласился говорить на эту тему купец. – Помните, я разговаривал на улице с помещиком Огрызовым?! Ведь он тогда специально дожидался меня. Причиной тому был визит неизвестных людей из полицейского участка и от помещика Говорова. Именно дочь этого помещика они и разыскивают. Я не могу верить Огрызову в том, что он не передаст в полицию наше прибытие. Вот почему я решил увезти вас в деревню, где я когда-то родился и жил. У моих родителей добротный дом, я помог им его построить, они занимаются большим хозяйством, времени скучать там не найдется.

– И вы оставите нас в деревне? – осторожно спросила жена.

– Да, я хотел бы оставить вас там на какое -то время, пока все успокоится в городе.

– А если полицейские схватят вас?! Что же будет с нами тогда? – испуганно спросила Наина.

– Меня им сложно будет найти, я уезжаю на прииски, уже все готово к отправлению: люди, лошади, снаряжение, материалы. Когда я обоснуюсь на новых приисках, я перевезу вас к себе в Сибирь.

– Сколько же нам ждать? – вполне серьезно спросила жена.

– Я дам вам весточку, но это будет не так скоро, как бы хотелось, – ответил Федор.

– А как примут меня ваши родители? – тревожась за встречу с новыми людьми, спросила Наина.

– Они всегда меня понимали, поймут и в этот раз, – успокоил жену Столетов. – Прошу вас, не печальтесь.

Им пришлось заночевать еще на одной почтовой станции, на которой уже не было молодой особы, все хозяйство находилось в запущенном состоянии. Крыша конюшни протекала в нескольких местах, а лошади в стойлах были заморенными, но и этим довольствовались проезжающие. В доме смотрителя ощущался неприятный запах, словно что-то проквасили. Но выхода у Столетовых не было, и они здесь заночевали. На следующий день путешествие продолжилось, и уже к вечеру семья приехала в деревню, где когда-то начиналась жизнь Федора Владимировича. Для родителей приезд сына оказался неожиданным.

– Мир этому дому, – сказал он, улыбаясь.

– Ба, кто к нам приехал?! – захлопотала мать Степанида Герасимовна, – да как же так внезапно, мы и не ведали...

– Не один приехал?! – сказал отец Владимир Тимофеевич,

пристально глядя на Наину и Аксинью.

— Вот, батюшка, жена моя Наина Павловна, а это дочь Аксинья.

— Как же так?! — всполошилась мать. — А мы ничего не знали.

— А где вам знать?! Живете в тьму тараканьей, — упрекнул сын, а затем представил родителей, — матушка моя Степанида Герасимовна, а это батюшка Владимир Тимофеевич.

— Очень приятно, — засуетилась мать, — я сейчас на стол накрою, — сказала она и ушла на кухню.

— Что же ты, Федор, на венчание нас не пригласил, али теперь без благословения родителей венчают? — с обидой спросил отец.

— Потом, батюшка, после поговорим, — ответил сын, желая сменить беседу.

И тут Аксинья разрядила обстановку, потянув Наину за платье.

— Мама, я боюсь дядю с бородой...

— Что ты, Асенька, он добрый, — сказала Наина.

— Я завтра тебе кур покажу, корову, — попытался сказать ласково Владимир Тимофеевич.

— Зачем ей про твоих кур и коров знать, — поправил отца сын, — городская она, не привыкшая к такой жизни.

— Привыкнет, ей еще понравится здесь, — возразил Столетов старший.

— Вы не будете против, если мы поживем у вас? — вновь

Федор обратился к отцу.

– Да что же ты такое говоришь?! – ответил Владимир Тимофеевич. – Живите сколько душе будет угодно.

Тут появилась мать Фёдора, вынося угощения.

– Отведайте, чем Бог послал, – обратилась она к гостям.

За столом разговаривали мало, потому что гости были голодны, но мать изредка посматривала на Наину и Аксинью, словно оценивала их. Отец же повел разговор с сыном.

– Так ты ныне не едешь на прииски? Закончил это дело? – полюбопытствовал Владимир Тимофеевич.

– Что ты, батюшка, напротив, подготовил новых людей, на днях тронемся в Сибирь, – живо говорил Федор.

– И далече вам ехать? – спросил отец, желая выведать у сына его жизнь, о которой он знал совсем немного.

– Далеко. На реку Бирикуль, что в Томской губернии, – рассказывал сын. – Там у меня уже работают люди, вот еще повезу три партии, закупил лошадей и прочее снаряжение. Думаю, побольше взять участков для отмывания золота.

– А много там золотишка- то? – хитро спросил Владимир Тимофеевич.

– Золота много, но и добытчиков развелось не меньше, – с сожалением отвечал Федор.

– Так ты в другом месте пробуй, – советовал отец.

– Надо эти места хорошо промыть, а уж там видно будет, – стоял на своем сын.

– Дом, поди, выстроил там? – интересовался Владимир

Тимофеевич.

– А как же, поболее, чем у вас будет,– хвастался сын.

– Куда тебе одному там такой дом? – не понимал отец.

– Думаю со временем семью туда перевезти,– отвечал Федор.

– Заморозишь их в своей Сибири, – засмеялся отец.

– Ничего, привыкнут, там люди тоже живут,– говорил сын.

– Они привычные к морозам, а мы тут хилые,– сказал Владимир Тимофеевич.

– Вы угощайтесь, не стесняйтесь,– теперь уже обращалась хозяйка к Наине,– у нас, у деревенских, все по- простому.

– Спасибо вам,– отвечала Наина,– этого всего много.

– Мы еще бычка забьем,– поддержал жену Столетов старший,– мясом свежим накормим.

– Все у вас просто!– восхитился сын,– пойдем, забьем.

– На то и хозяйство, чтобы все под рукой было,– утверждал отец.

Они могли бы говорить еще долго на эту тему, только Аксиныя вдруг захныкала и сказала Наине.

– Мама, я спать хочу...

– Ой, я сейчас все вам устрою, пойдемте со мной, мои родные,– сказала мать и увела Наину и Аксиныю за собой.

– Девчушка у вас не похожая ни на тебя, ни на мать?! – вдруг выдал отец, когда вся женская половина удалилась из кухни.

– Что ты, батюшка такое говоришь?! – старался воспротивиться Столетов младший.

– Говорю то, что вижу, – прямо сказал отец. – Ты, поди, ее уже с ребенком взял?

– Ну а если с ребенком, что из того?! – обиделся сын.

– Я же не против этого, просто любопытно стало узнать про девчушку, – извинялся Владимир Тимофеевич.

– Когда–нибудь, батюшка, все узнаешь, а пока не спрашивай ни меня, ни жену мою ни о чем, понял?! – прямо сказал сын.

– Да мне что, как скажешь, – теперь уже чувствовалась обида в голосе отца.

– Ты уж не серчай на меня, батюшка, мне самому не просто, – успокаивал его сын.

– Коли взял на себя решение, исполняй до конца, у нас в роду нет подлецов, – решительно сказал Владимир Тимофеевич.

– Все так и будет, – так же твердо ответил Федор.

Ночью Аксинье стало плохо, у нее начался жар, насморк, она постоянно плакала, отчего в доме все не спали. Степанида заваривала травы, молилась у икон и умывала ребенка святой водой. Ближе к утру девочка успокоилась, но температура оставалась высокой. Решили вызвать лекаря, который жил в пяти верстах от деревни. Владимир Тимофеевич самовольно поехал за ним на своей лошади, которую запряг в телегу. Домашние хлопотали над ребенком. Прошло много

времени, прежде чем лекарь приехал к ним. Оказалось, что девочку застудили в дороге, поэтому он оставил им микстуру и порошки, которыми они должны были поить ребёнка. К вечеру следующего дня Аксинья ожила, и, даже имея небольшую температуру, играла с бабушкой. Наина понимала, что Федору надо уезжать, но она боялась задавать ему вопросы на эту тему. Однако, он сам вывел ее на разговор.

– У меня к вам разговор, Наина, – начал он осторожно.

– Я уже все поняла, – сказала Наина, не дослушав мужа.

– Время не терпит, у меня в городе народ ждет работу, пора их отвозить, дорога дальняя, – объяснял Федор Владимирович.

– Коли надо поезжайте, только как же мы здесь останемся? – разволновалась Наина.

– Поживете немного, окрепнете, а после возвратитесь домой. Денег я вам на расходы оставляю, – посоветовал муж.

– А ну как меня схватят в городе? – испуганно спросила Наина.

– И это верно, – подтвердил муж. – Есть у меня один план, – осторожно сказал Федор, – но не решался предложить его вам.

– Вы возьмете нас в Сибирь? – радостно спросила Наина.

– В Сибирь вам невозможно, мала еще Аксинья, сгинет там, – оборвал желание Наины муж.

– Тогда что же? – с любопытством спросила жена.

– Дом у нас без присмотра остается, – начал Федор из-

далека,— вот ежели оставить пока Аксинью здесь, а вам вернуться в город...

— Как же я ее больную оставлю?— подозрительно спросила Наина.

— Вот и я о том же размышляю, — поддержал Федор Владимирович. — Поживите с месяц, а там вернетесь. За это время девчушка привыкнет к бабушке и дедушке.

— А они не догадаются, что она чужая им?— неожиданно спросила жена.

— Коли вы не скажете, все останется тайной,— посоветовал муж.

— Ну хорошо, а когда вы думаете ехать? — без желания спросила Наина.

— Сегодня и поеду, путь далекий,— сказал Федор.

Могла ли тогда Наина знать, что в голове у мужа уже крутился иной план, все его мысли теперь были об Аглае. Ее образ не давал ему покоя с самого момента первой встречи. Она стояла перед ним во всей своей красе, словно спелое яблоко, просившее его отведать. А как известно, запретный плод сладок. И Федор хотел сорвать этот плод и насладиться им вволю, не думая о том, что будет дальше. Нет, он не хотел сравнивать ее с Наиной и считал, что они хороши каждая по- своему, но та, Аглая, манящая его своим телом, сейчас была нестерпимо хороша, посему все помыслы тянулись к ней. Федор еще не придумал, что он будет делать с дочерью зрителя, потому как понимал, что еще одна мимолетная

встреча ничего не решит. Но надо ехать...

– Я хотела вам сказать, но все не решалась, – осторожно начала Наина.

– Говорите, коли хотели, – спокойно ждал дальнейших слов Федор.

– Приревновала я вас к Аглае, шибко приревновала, – со всем неожиданно даже для себя сказала Наина, – видимо, полюбила вас сильно.

– Ну что же вы ревнуете к тому, чего не может быть?! – постарался успокоить жену Федор Владимирович.

– Страшно мне отпускать вас одного, – словно чувствуя разлуку навсегда, продолжила Наина.

– Наина, мы венчаны с вами, понимаете?! – убеждал он жену, – я слово дал перед Богом, что буду любить вас, а посему, выбросьте все плохие мысли из головы.

– Хорошо, я постараюсь, – пусть с сомнением, но ответила жена.

Федор попросил отца довезти его до ближайшей почтовой станции, попрощался со всеми и поехал в дальнюю дорогу. Аксинья не отходила от бабушки, играла с ней и даже просила ее покормить себя. А Наина смотрела в окно, думая свою думу. Что-то было в ней такое, что присуще не всем – предчувствовать нехорошее.

В дороге Владимир Тимофеевич спросил сына.

– Что ты так спешно засобирался?

– Дел у меня в городе много, – отвечал Федор.

– Семейю оставляешь надолго? – снова задал вопрос отец. – Нам не жалко, пусть живут. Только уж ты не бросай их, – продолжал Столетов старший, – шибко нам понравилась Наина, проста и скромна, такую жену беречь надо.

– Вот и берегите, – усмехнулся сын.

– Я тебе, Федор, правильные вещи говорю, слушай отца, – наставлял Владимир Тимофеевич, – мы плохого не посоветуем.

– Да и я уж не маленький, все понимаю, – отвечал сын, – мне тяжелее будет, чем им, я там в Сибири один.

– Ну, как знаешь, только не забывай нас, ждать тебя будем, – говорил отец, а сам понимал, что Федор думает о своем.

– Как же я ее больную оставлю? – подозрительно спросила Наина.

– Вот и я о том же размышляю, – поддержал Федор Владимирович. – Поживите с месяц, а там вернетесь. За это время девчушка привыкнет к бабушке и дедушке.

– А они не догадаются, что она чужая им? – неожиданно задала вопрос жена.

– Коли вы не скажете, все останется тайной, – посоветовал муж.

– Ну хорошо, а когда вы думаете ехать? – без желания спросила Наина.

– Сегодня и поеду, путь далекий, – сказал Федор.

Могла ли тогда Наина знать, что в голове у мужа уже кру-

тился иной план, все его мысли теперь были об Аглае. Ее образ не давал ему покоя с самого момента первой встречи. Она стояла перед ним во всей своей красе, словно спелое яблоко, просившее его отведать. А как известно, запретный плод сладок. И Федор хотел сорвать этот плод и насладиться им вволю, не думая о том, что будет дальше. Нет, он не хотел сравнивать ее с Наиной и считал, что они хороши каждая по- своему, но та, Аглая, манящая его своим телом, сейчас была нестерпимо хороша, посему все помыслы тянулись к ней. Федор еще не придумал, что он будет делать с дочерью зрителя, потому как понимал, что еще одна мимолетная встреча ничего не решит. Но надо ехать...

– Я хотела вам сказать, но все не решалась,– осторожно начала Наина.

– Говорите, коли хотели,– спокойно ждал дальнейших слов Федор.

– Приревновала я вас к Аглае, шибко приревновала, – совсем неожиданно даже для себя сказала Наина,– видимо, полюбила вас сильно.

– Ну что же вы ревнуете к тому, чего не может быть?!– постарался успокоить жену Федор Владимирович.

– Страшно мне отпускать вас одного,– словно чувствуя разлуку навсегда, продолжила Наина.

– Наина, мы венчаны с вами, понимаете?! – убеждал он жену,– я слово дал перед Богом, что буду любить вас, а посему, выбросьте все плохие мысли из головы.

– Хорошо, я постараюсь, – пусть с сомнением, но ответила жена.

Федор попросил отца довезти его до ближайшей почтовой станции, попрощался со всеми и поехал в дальнюю дорогу. Аксинья не отходила от бабушки, играла с ней и даже просила ее покормить себя. А Наина смотрела в окно, думая свою думу. Что-то было в ней такое, что присуще не всем – предчувствовать нехорошее.

В дороге Владимир Тимофеевич спросил сына.

– Что ты так спешно засобирался?

– Дел у меня в городе много, – отвечал Федор.

– Семейю оставляешь надолго? – снова задал вопрос отец. – Нам не жалко, пусть живут. Только уж ты не бросай их, – продолжал Столетов старший, – шибко нам понравилась Наина, проста и скромна, такую жену беречь надо.

– Вот и берегите, – усмехнулся сын.

– Я тебе, Федор, правильные вещи говорю, слушай отца, – наставлял Владимир Тимофеевич, – мы плохого не посоветуем.

– Да и я уж не маленький, все понимаю, – отвечал сын, – мне тяжелее будет, чем им, я там в Сибири один.

– Ну, как знаешь, только не забывай нас, ждать тебя будем, – говорил отец, а сам понимал, что Федор думает о своем.

Предчувствие Наины подтвердилось. Когда отец подвез его до почтовой станции и распрощался с сыном, тот заказал

экипаж и поехал дальше один...

На почтовую станцию, где жила Аглая с отцом, он приехал уже по темноте. Заехав на территорию, Федор выскочил из тарантаса и пошел к дому. В окне, где едва мерцал свет, он увидел фигуру и сразу догадался, что это Аглая. Гость постучал в дверь, ему открыл сонный Лука, держа в руке свечу. Смотритель всегда был недовольный поздним визитом гостей.

– Кто еще к нам пожаловал на ночь глядя? – спросил он не сердито, но и не добродушно.

– Купец Столетов, который недавно был у вас, – ответил Федор.

– Ваше благородие, припозднились вы, однако?! – теперь уже заискивающе сказал смотритель.

– Лошади так везут, быстрее их не погонишь, – сказал Столетов.

– Извольте пройти в дом, – предложил Лука, но сам при этом насторожился, потому как помнил момент расставания купца с его дочерью.

– Отчего же не пройти, с удовольствием пройду, – игриво сказал Федор.

Они вошли в дом, Лука прибавил света, чтобы гость не серчал по поводу темноты, как это бывало ранее на станции, потому как гости заезжали разные.

– Я, извольте спросить, не припомню вашего имени, – виновато сказал Лука.

– А что тебе помнить, ежели я не представился ранее,– ухмыльнулся Столетов.

– Ваше благородие, вы уж меня старика простите,– извинялся смотритель.

– Да какой же ты старик, коли дочь у тебя молодая?! – подбадривал Луку Столетов.

– Она молодая, а я уже отслуживший сапог,– печально сказал смотритель.

– Ну ладно тебе плакаться, вели дочери самовар поставить, а сам приготовь мне повозку,– распорядился купец.

– Так вы, ваше благородие, стало быть, в ночь решили ехать? – сомневаясь, спросил смотритель, надеясь, что гость не подойдет к Аглае.

– Я сам решу, – ответил Федор Владимирович. – Коли ямщик согласится в ночь ехать, отправлюсь. Пойди, решай дела.

– Аглая! – крикнул Лука. – Поставь гостю самовар. – Он тут же вышел на улицу.

Занавеска раздвинулась, и в проеме показалась Аглая. В нерезком свете она выглядела еще загадочней. Все тот же точеный стан, коса и глаза немного с хитринкой. Облегающее платье выдавало ее налитые груди.

– Что будете к чаю, ваше благородие? – кокетничая, спросила девушка.

– Хочу многое, но не все дозволено,– отшутился купец.

– А что же вам не дозволено?! – играла с купцом девица.

– Мне бы прижаться к тебе, да нашептать тебе слова, которые душу греют,– пылко сказал гость.

– Так что же вы ждете? – вдруг спросила Аглая.

Федор словно обезумел после этих слов, он быстро подошел к девушке и хотел обнять ее, но та отстранила гостя.

– Мне, барин, запросто так не хочется,– опять же хитро произнесла девица.

– Вот как, а ежели я деньгами к тебе дорожку выложу? – неожиданно пришло в голову Федору Владимировичу.

– Тогда и поглядим, – сказал кокетливо Аглая и отошла к столу, где стоял самовар.

Федор достал пачку денег и выкладывая купюры приблизился к девушке. Вытянувшись во весь рост, он оказался к ней так близко, что губы были на расстоянии стыда. Столетов хотел поцеловать Аглаю, но та вытянула руку и остановила его порыв, прижав ладонь к его губам.

– Батюшка увидит. Невозможно мне, ваше благородие, обижать его, – тихо сказала Аглая.

– Отчего же, если сердце просит?! – в пылу спросил Федор.

– Я мало вас знаю, ваше благородие, закружите мне голову, а после бросите, – рассуждала девица.

– Да как такое возможно?! – Федор был возбужден присутствием девушки. Все его тело напряглось, он готов был броситься к ней и разорвать всю ее одежду в клочья, а уж затем...

– Женат вы и дочку имеете,– вполне серьезно сказала де-
вушка.

– Да нет же, не жена она мне, все совсем по-
другому,– оправдывался купец.

– Как же по-
другому?! Венчались небось?– хихикнула
Аглая.

– Венчались,– серьезно ответил Столетов.

– Ну вот, грех на душу великий берете,– упрекала девица.

– Да венчание было ради благого дела, не от любви,– хотел
еще больше убедить девицу гость.

– Ой, барин, запутали вы меня,– играючи сказала Аглая.

– Я как первый раз тебя увидел, все во мне переверну-
лось,– признавался Федор Владимирович.

– Лжете вы, барин, тут таких, как вы, знаете сколько про-
езжает?! – остановила его девица. – И все хотят моего тела, а
душа моя никому не нужна, – Аглая в этот момент говорила
откровенно и с некоторой обидой. – Все думают, что я лег-
кая добыча, полежали со мной в постели и прощай, а я не
хочу этого.

– Сильная ты духом, Аглая! – твердо сказал Столетов

– А здесь по-
другому нельзя, – ответила ему девица.

– А коли я скажу тебе так, что я золотопромышленник,
богат несказанно, и ты нужна мне на веки вечные! – взорвал-
ся Федор Владимирович. – Что тогда, а?!

– Ой ли, барин, как вы красиво говорите, а на душе есть
ли что? – усмехнулась Аглая.

– Все есть! – выпалил гость. В это время все в нем кипело.
– Ради тебя все отдам!

– Вскружила я вам голову, но вы не думайте обо мне, лучше уезжайте, – постаралась успокоить гостя Аглая.

– Не могу я теперь без тебя уехать! – продолжал пребывать в том же состоянии гость. – Потому как полюбил тебя.

– А как же мой батюшка?! – вдруг заговорила о другом Аглая. – Погибнет он без меня...

– Хочешь, я ему денег много оставлю, чтобы ни в чем нужды не знал?! – предложил Столетов.

– Да разве можно деньгами душу купить? – усмехнулась девица.

– Аглая, не смогу я отныне без тебя! – решительно сказал Федор.

– Вы, барин, испейте чайку, посидите, отдохните, все и пройдет у вас, – сказала Аглая, желая при этом, чтобы он признавался ей, говорил невероятные слова и обещал золотые горы, ведь этого так не хватало молодой душе в глуши.

– А если не пройдет? – напрямую спросил гость девицу. – Ты не знаешь, какой огонь все во мне сейчас сжигает!

– Чайком его тушите, – посоветовала Аглая, – давайте я вам чаю налью.

Аглая отошла от Федора к самовару и налила в кружку чай, затем легкой походкой обошла его и поставила кружку на стол, который находился в центре комнаты. Гость стоял на месте не шевелясь, в нем бурлила и кипела страсть, он

готов был схватить Аглаю и унести в кровать. И тут появился Лука. Войдя в дом, он удивился, увидев на полу деньги.

– Что же тут такое происходит? – осторожно спросил смотритель.

– Барин деньгами сорит, коли хочешь, собери, – сказала дочь.

Лука опустился на колени, чтобы собрать купюры, только Федор остановил его.

– Не трожь! – крикнул он. – Не тобой брошены, не тебе поднимать!

Смотритель после таких слов весь съежился и стал вдруг таким маленьким и беззащитным, виновато глядя на гостя.

– Так я же, – попытался оправдаться хозяин.

– Тебе будет своя доля, а это я выкуп даю за Аглаю! – громко говорил Федор, при этом глаза его сверкали, и все тело было натянуто, как пружина.

– Я что-то не понимаю вас, ваше благородие?! – совсем сник Лука.

– Все ты понимаешь, не притворяйся, – сквозь зубы произнес гость.

– Так нет же, ваше благородие, убей Бог, ничего не понимаю, – виновато говорил смотритель.

– Мы с Аглаей решили покинуть тебя, – твердо сказал Федор.

– Позвольте, ваше благородие, но вы же были давеча с супругой и дочкой? – не понимая, зачем он это сделал, спро-

сил Лука.

— С кем я был, тебя не касается! — как отрубил Федор Владимирович. — Мое решение не обсуждается!

— Ваше благородие, батюшка родимый, — вдруг, упав на колени перед Федором, запричитал Лука, — не погубите меня, Христом Богом прошу, век за вас молиться буду, только не забирайте у меня единственную дочь, сгину я без нее...

— Я тебе оставлю много денег, нужды знать не будешь, — сказал гость.

— Да разве могут деньги заменить мне дочь? — виновато спросил Лука.

— Я тебе больше могу пообещать, после, как решу все свои дела, заберем тебя отсюда к себе, и будешь ты рядом с Аглаей до конца своих дней, — говорил Федор Владимирович, прекрасно понимая, что никогда не сделает этого, и зная, что это всего лишь отговорка, чтобы отвязался от него старик и ни о чем больше не спрашивал.

— А как же все это оставить, я же смолоду здесь, дослужился из почтальонов до смотрителя?! — хотел было возразить Лука.

— А тут уж сам решай, я свое слово сказал, — твердо заявил гость.

— Не нарушайте, ваше благородие, наш покой, — просил смотритель и снова упал на колени.

— Ты встань с колен, хватит уж тут челобитную бить, — не то сказал, не то приказал купец...

Все это время Аглая стояла в стороне и слушала разговор мужчин. Ей пока не хотелось вмешиваться, да и бесполезно было это делать, поскольку гость был настроен решительно. И кто мог знать, что в душе ее затеплилась надежда вырваться из этой паутины, которую сплела жизнь на почтовой станции. Именно ее отец был тут пауком, который не хотел, да и боялся выпустить ее из своих рук. Нет, не за судьбу дочери беспокоился Лука, а за свою, потому как не видел впереди никакого просвета в своей жизни. Состарившись раньше времени, он теперь становился для молодой дочери, цветущей, как богатый цветок, обузой. Аглая давно уже могла все бросить и сбежать из этой глуши, но сочувствие к своему родителю не давали ей этого сделать. И вот теперь перед девушкой открывалась дверь в другой мир, и надо было решиться, пока она не захлопнулась. Были же у нее случаи, когда сулили богатые проезжающие горы денег, но при этом поглядывали не в глаза, а на ее пышные груди, которые уже давно были готовы к материнству. Что ей было до прозябания здесь, когда она видела богатых, ухоженных и счастливых людей, которые словно звезда на небе, вспыхивали перед ней и вновь исчезали в бесконечности.

– Как же ты, Аглаша, хочешь меня покинуть? – спросил дочь Лука.

– Я, папенька, ничего не решала, – спокойно ответила дочь.

– Ну вот же, ваше благородие, позвольте нам остаться

жить здесь, в тишине и уединении от людей,— упрашивал гостя хозяин почтовой станции.

— Тогда иди уже, отдавай распоряжение, уезжаю я от вас,— неожиданно приказал Столетов.

— Так повозка, ваше благородие, уже готова, — засуетился Лука,— денег с вас много не возьму, только уезжайте. Бога молить буду до окончания дней за здоровье ваше.

— Иди же проверь все еще раз! — приказал Федор Владимирович.

Смотритель почувствовал в этом приказе что-то неладное, но мог ли он осмелиться возразить купцу, когда прекрасно понимал, что может тот высечь его кнутом или вовсе лишит жизни. И Лука пошел к выходу, а на душе у него было тревожно. Когда смотритель подошел к повозке, извозчик Сидор спросил его.

— Где там барин -то засиделся, ехать пора, путь далекий?!

— Я уж и не знаю, Сидор, что тебе ответить,— убитым голосом говорил Лука.

— Аглаша, небось, рассудок ему затуманила? — ухмыльнулся извозчик.

— Не смей! — вдруг крикнул смотритель на извозчика.— Не смей мне про дочь говорить!

— Да я что, дело тут ясное,— оправдывался Сидор.

— Прости меня, Сидорушка,— тут же начал извиняться смотритель,— на душе у меня беспокойно.

— Да и я не со зла, Лука Васильевич, — извинялся извоз-

чик,— как-то само собой вышло...

А в это время в доме решалась судьба Аглаи, которая стояла на распутье дорог, ей предстояло выбрать только одну — остаться и похоронить свою молодость и красоту на почтовой станции или вырваться в город и начать новую, доселе неведомую ей, жизнь. Красота не вечна, пройдет еще тройка лет и начнет увядать вся прелесть, тогда уж никто не посмотрит в ее сторону, и останется она на этой глухой станции встречать свою старость...

— Я отъеду от станции и буду ждать тебя на дороге, — сказал Федор, обращаясь к Аглае.

— Вы не даете мне право подумать,— возразила было девица.

— Но ты же хочешь вырваться из этого ада, согласишься со мной?! — убеждал ее купец.

— Что вам до моих мыслей,— усмехнулась Аглая. — Мало ли что я надумаю себе.

— Ты будешь жить богато, ни в чем себе не отказывая, я озолочу тебя, — настаивал на своем Столетов.

— Брешете вы, барин! — откровенно сказала девица. — Пользуетесь, а после вышвырнете меня, и куда я потом поруганная?!

— Да что ты говоришь?! — с прежней пылкой страстью начал купец.— Моя ты будешь отныне и навсегда...

— Ой, барин, страшно мне,— не решалась Аглая на предложение купца.

– Ну же, соглашайся, другого случая не будет!– подталкивал Федор Владимирович ее к принятию решения.

– А как же ваша семья?– вдруг вспомнила девица. –Грех я на душу возьму, коли разлучу вас.

– Да сказываю я тебе, что никто мы друг другу! – вспыхнул Федор Владимирович.

– Побожитесь мне, что правду говорите, – вдруг решила Аглая.

– А зачем божиться? – не понимал гость.

– Чтобы поверила я вам сердцем и душой, – ответила девица.

–Вот тебе истинный крест, – сказал Федор и перекрестил-ся. Мог ли он в эти минуты думать о том, что берет грех на душу, обманув себя и Наину. Но сейчас красота Аглаи вскружила ему голову.

– Я прибегу,– тихо сказала Аглая.

Федор хотел поцеловать девушку, но она отскочила в сторону.

– Все потом, здесь невозможно,– хитро произнесла она. В дом вошел смотритель.

– Заждался вас Сидор, да и кони в упряжи томятся, – сказал Лука,– ваше благородие, только уж и вы не поскупитесь...

– На хорошее дело мне денег не жалко,– вальяжно сказал Федор и, отсчитав двадцать купюр, положил их на стол. А тут необходимо пояснить, что стоимость поездки за версту

обходилась в копейку или в крайнем случае полторы.

– Вот тебе за все! – широко по- купчески сказал гость. – На эти деньги будешь долго жить в достатке. Прощай, смотритель, теперь уж навсегда прощай! – пылко выкрикнул купец, затем решительно вышел из дома, даже не оглянувшись.

– Слава Богу, что все так разрешилось, Аглаша,– вздохнув, сказал Лука,– человек он богатый, да бездушный.

– Зачем вы так, папенька, он вам вон сколько денег отвалил, вы за всю жизнь столько не заработаете, – упрекнула отца дочь.

– Мне его деньги не нужны, коли они продажные,– вдруг вымолвил смотритель.

– Тогда я ему их верну сама, – решительно сказала Аглая и побежала к выходу.

– Куда ты?! – кричал Лука. – Не смей! Умчал он, не догонишь!

Где было знать стационарному смотрителю, что по уговору ждал Аглаю экипаж за станцией на дороге в крошечной темноте, тут суждено ей было расстаться со своей прошлой жизнью, надеясь увидеть впереди свет и безбедное существование...

Долго ждал возвращения дочери Лука, а когда понял, что увез ее незванный гость навсегда, сел у окна и заплакал, глядя в ночную тьму. Когда утром, изнеможенный от бессонной ночи, он вышел на улицу, то увидел, что от крыльца по всему пути к воротам станции были разбросаны деньги. Так дочь

откупилась за свое предательство и свободу.

После отъезда Федора из деревни Наина обрела для себя беспокойство и тревогу. Теперь из головы не выходил не только оставленный без присмотра дом, но и Аглая, с которой Федор мог непременно встретиться на обратном пути. Второе тревожило ее сильнее. Аксинья, напротив, хорошо освоилась в деревне и уже резвилась на улице, играя с собакой. Она стала спокойной и общительной, особую любовь проявляла к бабушке. Теперь девочка всюду ходила со Степанидой Герасимовной, даже кормить скотину маленькую Аксинью брали с собой, и уж больше всего ей нравилось парное молоко прямо из-под коровы, когда оно было только сцежено, но перед этим Ася сама мыла корове вымя, а еще давала козам траву и пыталась играть с овцами, которые убегали от нее, перепугавшись. Да и спать отныне Ася укладывалась непременно с бабушкой, поглаживая ее по щеке и приговаривая при этом: «Ты моя...». Наина радовалась дружбе девочки со Степанидой Герасимовной, хоть иногда и приходила к ней мысль, что жаль родителей Федора, не знают они истинную судьбу Аксиньи. Но даже радостные минуты общения с ребенком не могли заглушить душевную тревогу Наины, которая увеличивалась, превращаясь в панику, и в один из дней она обратилась к родителям Федора.

– Мне необходимо вернуться в город, там у нас дом остался без присмотра, – сказала Наина.

– Как же ты поедешь одна с ребенком такую даль?! – за-

беспокоилась Степанида Герасимовна.

— Я бы попросила вас оставить Аксинью у себя,— нерешительно сказала Наина.

— Ты хочешь оставить дитя малое без матери? — недоумевал Владимир Тимофеевич.

— Я вернусь и непременно заберу ее,— настаивала на своем Наина.

— Тут мы тебе советовать не можем, только подумай наперед,— советовала Степанида.

— Я уже все передумала, сердце у меня разрывается,— продолжала невестка.

— Коли так, поезжай через недельку другую, пока дочка к нам крепче привыкнет.

И вот в один из дней Наина поехала в город. Как и Федора, отец довез ее до первой почтовой станции, где она заказала экипаж и отправилась в путь. Ей было страшно ехать одной, но сердцу было спокойнее оттого, что она может увидеть дом своими глазами. Путь ее непременно пролегал через ту же почтовую станцию, на которой они обедали и где Аглая одурманила Федора. Она могла бы проехать мимо, только лошадь сильно устала, нужно было заменить экипаж. Сердце ее заволновалось, она предвкушала встречу с Аглаей, которая будет наверняка смотреть на нее с усмешкой.

На удивление Наины, здесь ее встретил совершенно другой смотритель. Это был высокий мужчина лет тридцати пяти, он вел себя спокойно и не старался излишне угодить при-

езжей.

– Позвольте узнать, а где же прежний смотритель? Кажется его звали Лука?! – спросила она нового смотрителя.

– Что вы, барыня, нет его уже на белом свете, – ответил мужчина.

– А по какой причине? Мы не так давно проезжали эту станцию, – Наина попыталась подробнее узнать судьбу семьи прежнего смотрителя.

– Руки он на себя наложил, – совершенно спокойно продолжил новый смотритель.

– Да как он решился на такое? – испуганно спросила Наина.

– А вот решился, – отвечал смотритель. – Дочь у него была красавица, влюбился в нее молодой барин и увез с собой, погоревал отец и решил свою участь. Перед смертью пил беспрестанно, бес его и попутал...

Все в Наине перевернулось. Ну конечно же, он говорил про Федора. Значит, заезжал он сюда и украл девушку, а, возможно, она сама убежала с ним, но это теперь было совершенно неважно. Ей хотелось исчезнуть отсюда сию же минуту.

– Подготовьте мне как можно быстрее экипаж, я уезжаю, – решительно сказала Наина.

– Позвольте предложить вам чай или щи, пока готовится экипаж, – говорил смотритель.

– Нет, я даже не стану заходить в дом, – решительно отве-

тила Наина.

– А где же вы будете пережидать? – спросил мужчина.

– Я пока пройдуся на воле, мне дурно после поездки, – ответила женщина.

– Я постараюсь подготовить экипаж быстро, – сказал смотритель и побежал в конюшню.

Смятение женских чувств, ровно вулкан, бушующий в душе. Как можно его заглушить?!

Весь оставшийся путь она ехала с одной мыслью – посмотреть Федору в глаза, когда он вернется с приисков, ведь он наверняка увез эту девицу с собой, а после расстаться с ним навсегда, ибо он предал их чувства, и нет этому никакого оправдания. Дорога показалась ей такой утомительной и долгой, что, приехав в город, Наина была совершенно разбитой. Но больше всего ее удивило то, что в доме Столетова женщину встретила молодая незнакомая особа.

– Вы кто? – спросила она Наину. Это так взволновало хозяйку, что она не сразу ответила, а между тем смотрела вглубь прихожей, надеясь увидеть Аглаю.

– Простите меня, вы не ответили на мой вопрос?! – сказала особа вторично.

– Мне хочется спросить, кто ты здесь? – вопросом на вопрос ответила Наина.

– Я горничная, – сказала девушка, немного смутившись.

– А я хозяйка этого дома! – раздраженно выдала Наина.

– Позвольте, но здесь хозяйка Аглая Лукинична, – словно

извинялась горничная.

– Это она тебе такое сказала? – вспыхнула Наина.

– Да, она нанимала меня на работу, – растерялась горничная.

– Я хотела бы увидеть ее, – сказала Наина, осматривая дом, а в это время горничная следовала за ней по пятам.

– Она уехала по своим делам, но скоро вернется, – продолжала девушка, внимательно наблюдая за Наиной.

– А как фамилия у твоей «хозяйки», тебе известно? – спросила барыня.

– Неизвестно, но в разговоре с кем-то она представлялась Приказчикова, – отвечала горничная.

– Приказчикова?! – повторила фамилию Наина. – Надо запомнить. Так ты утверждаешь, что она здесь хозяйка? – строго спросила барыня.

– Так ее дом и есть, – боясь сказать лишнее, вымолвила горничная. – Приказчиковой Аглаи Лукиничны...

– Этот дом золотопромышленника Федора Владимировича Столетова, а я его жена Наина Павловна Столетова, – официально представилась Аглая.

– Позвольте, барыня, выходит, что меня обманули? – испуганно спросила горничная

– И сильно обманули. Ты же не видела хозяина? – допытывалась Наина.

– Нет. Мне сказали, что он на золотых приисках, – отвечала девушка.

– Совершенно верно. Теперь остается выяснить на каких основаниях здесь проживает Аглая?! – в Наине впервые в жизни вскипела ненависть к этой особе, которая заняла ее место в доме и в семье. Возможно, виной всему мог быть Федор Владимирович, но это теперь уже не имело значения. С каждой минутой Наина становилась раздражительнее, но еще пыталась сдерживать в себе эту страсть...

– Как же мне теперь поступить? – тихо спросила горничная.

– Я не знаю, насколько ты прилежна, – ответила Наина, – но если все между мной и Аглаей выяснится, то я сама буду решать, как с тобой поступить.

– Что я должна делать сейчас? – оторопела горничная.

– Занимайся пока своими делами, – приказала хозяйка.

Аглая появилась поздно вечером. Она была одета в дорожное платье и шляпку на голове, в руках у нее был веер, а ко всей этой красоте она находилась в сильном опьянении.

– Анна! – крикнула Аглая с порога горничную. – Почему не встречаешь хозяйку?! Накажу!

И тут появилась Наина вместе с горничной, однако, Аглая не узнала хозяйку дома.

– А вы, собственно, кто тут будете? – спросила она. – Кто вам посмел войти?

– Я Наина Павловна Столетова, слыхала про такую? – сдерживая в себе гнев, произнесла Наина.

– Нет..., то есть что-то слыхала, но не помню, – еле вы-

говаривала Аглая, потому что к этому времени она окончательно опьянела.

– Потрудись сказать мне, на каких основаниях ты тут находишься? – вновь спросила Наина.

– Я вас не понимаю, – возразила Аглая, – это мой дом, мне его подарил муж.

– Какой муж? – сквозь зубы спросила Столетова.

– Мой. Единственный, – ухмыльнулась Аглая.

– Кто твой муж, я спрашиваю еще раз? – начала нервничать Наина.

– Анна, зачем ты впускаешь в дом посторонних, я тебя выгоню! – прикрикнула Аглая на горничную

– Аглая Лукинична, это хозяйка дома, – робко произнесла горничная.

– А я кто по-твоему?! – попыталась возмутиться Аглая, но вместо крика ее пробила икота.

– Ты самозванка, и я вынуждена обратиться в полицию, – теперь уже вполне серьезно сказала Наина.

– Это я должна идти в полицию, чтобы вас арестовали, – настаивала Аглая.

– Анна, – обратилась Наина к горничной, – быстро позови сюда квартального.

– Не смей! – едва проговорила Аглая, – я запрещаю...

– Беги! – сказала Наина. Горничная побежала из дома, не слушая свою нанимательницу.

Когда Анна выскочила на улицу, пьяная Аглая перешла

на Наину.

– Вы думаете, что я вас не узнала?! – криво улыбнулась Аглая. – Все знаю, ни о чем не жалею.

– У меня нет желания разговаривать с тобой, – сказала Наина.

– А я желаю, – проямлила Аглая, – коль сошлись дорожки... Федор вас совсем не любит... он мне клялся в этом, а женился из жалости...

– Замолчи! – крикнула Наина и зажала руками уши. Она закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Неизвестно, о чем говорила ей совсем захмелевшая Аглая, только вдруг чья-то рука взяла руку Наины и тут она открыла глаза. Перед ней стоял квартальный с маховую сажень, плотного телосложения и заметно выпячивающим животом. А еще его большие густые усы двигались, когда он причмокивал. Рядом с ним стояла Анна, а Аглая сидела в кресле и что-то бормотала себе под нос.

– Квартальный Семен Приходько, – отрапортовал полицейский, – вы меня вызывали, барыня?

– Да, вызывала, – решительно ответила Столетова. – Вот эта женщина незаконно проникла в мой дом и живет здесь без моего ведома, – тут Наина указала на Аглаю.

– Врешь! – истеричным пьяным голосом выкрикнула Аглая. – Все врешь! Это мой дом!

– Попрошу помолчать! – остановил Аглаю квартальный. – Как же так получилось? – теперь он обратился к Наине.

– Я находилась в деревне у родителей моего мужа, а вот эта особа изволила поселиться здесь без моего ведома, – объясняла Наина.

– Мне муж разрешил! – вновь крикнула Аглая.

– Позвольте, кто же из вас хозяйка?! – недоумевал квартальный.

– Я жена золотопромышленника Столетова Федора Владимировича, хозяйка этого дома. У меня имеются все документы на венчание с Федором Владимировичем, – решительно заявила хозяйка дома.

– А кто же тогда эта дама? – спросил Приходько.

– Это обыкновенная уличная девка, – зло сказала Наина.

– Я не уличная девка! – взорвалась Аглая, но у пьяной женщины это получилось смешно.

– Ты убежала из дома от отца, – возразила ей купчиха.

– Я не убегала! – уже не громко произнесла Аглая, видимо хмель забирал у нее последние силы.

– Растолкуйте мне подробнее, – сказал квартальный, обращаясь к Аглае.

– Меня увезли насильно, выкрали, – ухмыльнулась Аглая и затем захохотала.

– Отец ее, станционный смотритель, с горя наложил на себя руки, – добавила Наина.

– Врете! – вдруг поменялась в поведении Аглая. – Откуда вам знать?!

– Сейчас на почтовой станции, где она жила, новый смот-

ритель, – продолжила рассказывать квартальному хозяйка.

– Я не верю! – едва выговорила Аглая. – Я вам не верю...

– Как же мне поступить с вами?! – размышлял Семен Приходько.

– Прошу вас забрать ее отсюда, – решительно сказала Наина.

– Никуда я не пойду! – воспротивилась Аглая. – Это мой дом, мне его подарили...

– В участке разберемся, – сказал квартальный, и, подойдя к Аглае, взял ее за руку, Аглая пыталась вырвать свою руку из его клещей. – Не заставляйте меня применить силу.

Аглая встала с кресла и, покачиваясь, пошла с квартальным. А дальше ее ждала «съезжая», в которую помещали провинившихся или просто подозрительных граждан до выяснения обстоятельств. Съезжую в народе называли «холодной» или «сибиркой», потому что она не отапливалась, и в ней даже летом было холодно и сыро. Всю ночь провела Аглая в этом помещении, а когда утром ее выпустили из «съезжей», то сразу привели в кабинет городского пристава Архипа Даниловича Пригоды.

– Откуда тебя доставили в «съезжую»? В чем провинилась? – вполне серьезно повел разговор пристав.

– А мне откуда знать?! – оправдывалась задержанная. – Пришли ко мне домой и забрали.

– Ты мне тут не крути! – продолжал строго Архип Данилович.

– Да откуда мне знать, ежели я сама не понимаю, как все получилось,— изворачивалась Аглая.

– Зачем зашла в опьянении в чужой дом? – в той же строгости спрашивал Пригода.

– Как же в чужой, ежели мне его муж подарил?!— настаивала на своем Аглая.

– Кто же твой муж? – еще один вопрос последовал от пристава.

– Столетов Федор, кто же еще,— обиженно ответила девица.

– В каких ты с ним отношениях?! Брак венчан? – все еще выяснял Архип Данилович.

– Куда там венчан, он оставил меня в доме и уехал на прииски,— надула губы Аглая.

– Выходит, что живешь ты в доме не по закону, коли хозяйка этого дома вызвала квартального?! – допытывался пристав.

– Да не хозяйка она вовсе! – постаралась возразить задержанная.

– Тебе откуда знать?— резко спросил Пригода.

– Федор венчался с ней не по любви,— выдала она пристава.

– Что же из того?! Многие не по любви венчаются, да живут в ладу, – объяснял ей Архип Данилович.

– Да пожалел он ее, вот что, – начала откровенно Аглая.
– Ее хотели в полицию забрать, а он по доброте души спас

ее от тюрьмы.

– Не пойму я тебя, за что же ей грозила тюрьма? – теперь уже заинтересовался пристав.

– А мне откуда знать?! Она не одна раньше была, а с девчонкой, а тут гляжу, без девчонки прикатила, – поясняла задержанная.

– Как твоя фамилия? – вновь спросил Пригода.

– Приказчикова Аглая Лукинична...

– А дом Столетова и женщина та, которая квартального вызвала, тоже Столетова? – продолжил допрос пристав.

– Да говорю же вам, что он женился ради ее спасения, – стояла на своем Аглая.

– Да, трудно тебя понять, – усмехнулся Архип Данилович.

– А коли выпустим тебя сейчас, куда пойдешь? – поинтересовался пристав.

– Домой! – утвердительно ответила Аглая.

– А где твой дом? – еще раз спросил ее Пригода.

– Дом Столетова! – выдала задержанная. – Федор оставил меня в нем и сказал, что дом теперь мой, и я могу жить в нем сколько захочу, одно велел – дожждаться его с приисков.

– А что же ты тогда напиваешься до того, что все путаешь?! – вразумлял задержанную пристав.

– Ничего я не путаю, говорю, как есть, – огрызнулась девица.

– Вот что, Аглая Лукинична, коли я тебя выпущу, ты не имеешь право появляться в том доме, – потребовал Пригода.

– Потому как после второго обращения Столетовой я упеку тебя в тюрьму...

– Вот те раз?!– изумлялась Аглая. – А куда мне идти? В дом терпимости?

– Это уж твое дело. Сейчас тебя выпустят отсюда, так ты уж больше не попадай ко мне, – еще раз напомнил Архип Данилович.

– Буду стараться, – без желания произнесла девица.

Когда Аглая вышла из кабинета, пристав еще раз вспомнил весь разговор с задержанной. Его заинтересовал тот момент, когда она говорила про Столетову с ребенком. «Выходило так, что муж спасал ее от полиции, но зачем?! Не увязывается ли это с тем делом по пропаже ребенка помещика Говорова?! А вдруг это зацепочка, и тут может многое открыться?! Но как же подойти к ней для разговора?! Мы не имеем право забирать ее в участок, но составить беседу можем. Тут надо посоветоваться с помощником полицмейстера». Пригода незамедлительно отправился к начальству.

Помощник полицмейстера Лев Николаевич Бучев был толстым и сильно лысеющим, он постоянно протирал свое потное лицо и лысину большим платком, больше похожим на тряпку, при этом Бучев всегда пыхтел и шлепал губами. Лев Николаевич плохо переносил летнюю жару в небольшом душном кабинете, а открывать окно он не решался, чтобы не подслушали его деловые разговоры. К нему и пришел городской пристав.

– Позвольте войти, Лев Николаевич,– заискивающе заговорил, приоткрыв дверь, Пригода.

– По какому вопросу, коли я не вызывал тебя? – с присущим чиновнику тоном спросил Бучев.

– Дельце важное, не терпит отлагательства,– проямлил пристав.

– Изволь пройти, коли дело,– без желания пригласил помощник полицмейстера.

– Я, видите ли, изволил узнать одну новость,– негромко произнес Архип Данилович.

– Новости на базаре слушай, да дома передавай, а мне нужны факты,– повысив тон произнес Бучев.

– Я нашел зацепочку по той краже девочки помещика Говорова,– осторожнее обычного сказал пристав.

– Это что еще за зацепочка, говори яснее!– строго приказал помощник полицмейстера.

– Вчера мы забирали пьяную женщину из дома золото-промышленника Столетова, так вот, там была его настоящая жена. А эта пьяная женщина, которая появилась в том доме, наутро нам сказала, что Столетов женился на своей теперешней жене, чтобы спасти ее от полиции, дескать, девочка у нее была, а потом куда-то исчезла. Это мне задержанная нами девица рассказала,– путанно говорил пристав, отчего на лице полицмейстера всплыло непонимание в форме отвисших губ и удивленных глаз.

– Плохо я тебя понимаю, но продолжай,– приказал Бучев.

– Видите ли, ваше высокородие, Столетова эта вполне может быть той, кого мы ищем,— сказал, уже немного осмелев, Пригода.

– Как ты смеешь говорить про жену Столетова, когда не уверен в своих словах?— раздраженно спросил Лев Николаевич.

– Да мне бы только разговор с ней составить?! – убеждал помощника полицмейстера Пригода.

– А как ты составишь?! – размышлял Бучев. – Вызвать на допрос не имеешь права, а за просто так она не станет с тобой разговаривать...

– Но дело может пойти нам на пользу?! – убеждал Архип Данилович.

– Я пока не понимаю, как это сделать,— размышлял помощник полицмейстера.

– Позвольте мне посетить ее дом и поговорить с ней об этой пьяной женщине, которая забрела к ней и устроила скандал?! – нашел решение пристав.

– Коли есть необходимость, ступай, – распорядился Бучев,— но смотри, не перегни палку, иначе будешь наказан...

– Я, ваше высокородие, поговорю с ней достойно,— заискивающе, но радуясь при этом своей решительности, сказал Пригода.

– Так зачем ко мне приходил?! – теперь уже сам не понимал сути беседы помощник полицмейстера.

– Как же, дело большой важности, а ну как раскрутится

веревочка, и найдем девочку помещика Говорова,— окончательно осмелев и даже несколько напыщенно произнес Архип Данилович.

— Ступай уже, устал я от тебя,— отмахнулся от посетителя Лев Николаевич и, достав платок, начал вытирать пот со лба.

Выйдя из кабинета помощника полицмейстера, Архип Данилович Пригода направился в дом золотопромышленника Столетова. Всю дорогу, пока он ехал в повозке, придумывал для себя вопросы, которые, как он полагал, выведут Столетову на чистую воду, и она окажется той самой похитительницей дочери помещика Говорова. И уж тогда ждет его повышение в чине и непременно денежное вознаграждение.

Когда пристав подергал колокольчик возле входной двери дома Столетовых, ему открыла горничная.

— Позвольте узнать, а дома ли хозяйка Столетова? — вежливо спросил он горничную.

— Наина Павловна? — переспросила Анна.

— Она самая,— сказал пристав, хоть и не знал доселе ее имени.

— Я сейчас ее позову,— сказала горничная и ушла.

Пристав стоял у порога, не понимая еще до конца, как завести разговор с хозяйкой дома. Надо было сделать это так, чтобы та не догадалась, что он уже знает какие-то факты из ее биографии. Наина Павловна спустилась со второго этажа легкой походкой. Он увидел в ней красивую и стройную женщину, которая привлекает к себе внимание мужчин.

– Чем могу вам быть угодна? – спокойно спросила Наина.

– Видите ли, Наина Павловна, – замялся пристав, – мне бы хотелось выяснить некоторые моменты. . .

– Какие еще моменты? – не понимала хозяйка.

– Меня зовут Архип Данилович Пригода, я из полиции.

И тут у Наины Павловны что-то перевернулось внутри, но она старалась не подавать вида. Теперь становилось понятным ее безвыходное положение. Говорить что-то в свое оправдание было бессмысленным, а защитить ее теперь было некому.

– Зачем же ко мне в дом полиция? – стараясь сдерживать себя, спросила барыня.

– Я не задержу вас надолго, мне нужно каких-нибудь пять минут, – извинялся пристав.

– Я не хотела бы вести с вами беседу без хозяина, но коли пришли, – замялась хозяйка.

– Поверьте, Наина Павловна, я не стану вас утруждать, – постарался успокоить барыню гость.

– Охотно вам поверю, идемте в гостиную, – предложила Наина.

Гость прошел вместе с хозяйкой в гостиную, огляделся и оценил внутренне убранство.

Посреди гостиной стоял большой овальный стол со стульями с высокими спинками, у стены находился диван, обитый кожей, кожаными были и кресла. Еще удивлял стеклянный шкаф, который пока был пуст. На стенах висели газо-

вые светильники, а еще располагали к себе внимание картины. На одной из них был изображен молодой мужчина, и, как догадался гость, это был Столетов. Статный, с несколько надменным взглядом, он словно взирал на всех с высоты. Но было в этом портрете что-то русское, сильное и надежное. Пригода так загляделся на портрет, что не сразу услышал голос хозяйки.

— Присаживайтесь,— Наина указала на стул, и сама присела напротив.

— В вашем доме появлялась пьяная женщина, не так ли?!— начал осторожно беседу пристав.

— Это уже в прошлом,— словно отмахнулась хозяйка.

— Вы с ней знакомы? — спросил Архип Данилович.

— Нет, она мне незнакома,— ответила Наина.

— Как же так, а она говорит, что знает вас? — любопытствовал пристав.

— Я видела ее однажды на почтовой станции, но не знаю даже ее имени,— продолжая держать себя спокойно, ответила хозяйка.

— Позвольте, а как эта женщина могла оказаться на почтовой станции? — не понимал Пригода.

— А вы считаете, что там могут оказаться только мужчины? — в свою очередь спросила Наина Павловна.

— Простите, я неправильно задал вопрос,— извинялся пристав. — Выходит, что вы и она куда-то ехали и случайно встретились на станции?! — теперь уже пристав начал углубляться

в беседу.

– Возможно так, – спокойно говорила Наина.

– Почему же эта женщина утверждает, что Федор Столетов ее муж? – спросил напрямую Пригода.

– Мне неизвестно знать об этом, – попыталась не разгневаться хозяйка.

– А вы одна были на станции, где повстречались с Аглаей Лукиничной? – вновь задал вопрос пристав.

– Вам даже известно ее имя?! – удивилась Наина Павловна.

– Мы оформляли документы по ее задержанию, пришлось выяснять некоторые моменты биографии, – пояснил Пригода.

– У вас есть ко мне еще вопросы? – неожиданно спросила Столетова, намереваясь закончить беседу.

– Меня интересует та девочка, о которой нам рассказала Аглая Лукинична, – напрямую спросил пристав.

– Какая девочка? – немного волнуясь, спросила хозяйка.

– Ваша задержанная что-то путает...

– Возможно, – засомневался Пригода. – Только она сказала, что на почтовой станции видела вас с девочкой, а в этом доме ее уже нет?! – вдруг вывел разговор пристав на новую линию.

– Она меня с кем-то спутала, – постаралась усмехнуться Наина, – нет у меня никакой девочки, мы венчались с мужем не так давно.

– Возможно и спутала, но почему она утверждает, что это ее дом, а Столетов ее муж?!– опять вернулся к разговору о доме пристав.

– Мы венчаны с Федором Владимировичем,– в доказательство своих слов сказала хозяйка.

– Верно,– зачем-то произнес Пригода, но тут вдруг снова задал вопрос. –У вас и документы имеются на венчание?!

– И запись в книге в церкви Архангела Михаила, что в пяти верстах от города, – утвердительно и спокойно ответила Наина.

– Я мог бы закончить беседу, но та девочка, про которую говорила Приказчикова, не дает мне покоя, – говорил тихо сам с собой пристав. – Понимаете, у помещицы Говоровой украли девочку, – теперь он обратил взор к хозяйке, – и мы всюду разыскиваем ее, поэтому нам интересны любые факты.

– Нет здесь никакой девочки и не было»! – спокойным твердым голосом сказала Наина,– прощайте, у меня нет времени далее продолжать беседу.

– Прошу меня извинить, Наина Павловна, – с легкой усмешкой сказал Пригода,– придется разыскать теперь уже Приказчикову и наказать ее за ложные сведения.

– Дело ваше, прощайте,– сказала Наина в таком тоне, словно хотела поскорее и навсегда избавиться от этого человека.

Когда пристав вышел из дома Столетовых, на душе у него

стало неприятно. Пригода понимал, что Наина Павловна что-то недоговаривает, но как он мог поступить иначе?! Допрашивать ее пристав не имел никаких оснований, а те факты, о которых он узнал от Приказчиковой, не являлись поводом приходить в дом Столетовых. А ну как узнает про эту беседу Бучев?! А ведь он предупреждал, что визит в их дом напрасен. Как же так?! Был близок к раскрытию пропажи девочки, но оказалось, что все напрасно. Для себя Архип Данилович решил одно, пока не попадаться начальству на глаза, чтобы забылся этот бессмысленный визит к Столетовым.

Совсем другое было на душе у Наины после посещения ее дома полицейским, теперь стало тревожно. Она начинала понимать, что стоит им вызвать ее на допрос, тут же женщина вынуждена будет рассказать всю правду. Три дня Наина провела в размышлениях, убеждая и опровергая себя во всех всплывающих мыслях, наконец Столетова сама явилась к приставу.

– Архип Данилович, я все вам готова рассказать, – нерешительно произнесла она.

– Рассказывайте, я вас слушаю, – Пригода внимательно смотрел на Столетову. Теперь уже этот человек был на высоте, все получилось так, как он хотел, в душе думая об одном – скоро его ждет награда.

– Девочка, которую вы разыскиваете, была кем-то брошена на дороге в летний зной. Я берусь утверждать, что брошена, потому что рядом не было ни души, а одета она была не

как крестьянские дети. Я забрала ее к себе в келью, потому что девочка могла погибнуть на жаре. Замечу, что в ту пору я была черничкой и всячески противилась браку с мужчиной, не могла я помышлять и о рождении ребенка, однако встреча с девочкой изменила во мне многое. Ася научила меня смотреть на мир по – иному. Первоначально я хотела вернуть ее матери, но не знала, кто она, а когда узнала про помещицу Говорову, то подумала, что она жестокая, и ей нельзя иметь детей. Я решила оставить Асю у себя. После объявления полицией розыска, я начала скрываться, в этом мне помог Федор Владимирович Столетов, он женился на мне, я сменила фамилию, желая полностью изменить свою жизнь.

– А где девочка? – поинтересовался пристав.

– Нет девочки! – заявила Столетова. – По дороге домой ее у меня украли цыгане на городском рынке, – осторожно сочиняла Наина, чтобы все получилось правдиво. – Я сама не заметила, как это случилось. Приказчикова действительно видела меня с девочкой один раз на почтовой станции, где она проживала с отцом, а после сбежала с моим мужем, подведя своего батюшку к тому, что он наложил на себя руки. Это все, что я могу вам сказать, – в расстроенных чувствах Наина завершила свою маленькую историю.

– Есть ли правда в ваших словах, я не могу утверждать, однако следствие покажет, – сомневаясь, но надеясь на правосудие, сказал Архип Данилович. – Мы вынуждены вас арестовать...

Состоялся суд. Наину Павловну Столетову, которая являлась женой купца, учитывая ее чистосердечное признание и желание вернуть дочь родителям, но украденную цыганами, приговорили сослать в женский монастырь. Но поскольку долго уже тянулись поиски, и полицейским не хотелось вести полное расследование, дело закрыли. Надо учитывать, что это дело не велось как похищение, оно проходило как задержание за заблудившегося ребенка. При этом задержавший был обязан немедленно дать знак родителям или опекунам ребенка, в неизвестности о них — полиции; срок давался двухнедельный. По требованию родителей ребенок должен был быть возвращен; при неисполнении этих предписаний виновный подвергался по мере продолжительности задержания денежному взысканию или легкому исправительному наказанию, а при задержании ребенка с какой-либо определенной целью, известному виновному, в зависимости от намерения виновного, — ссылке в Сибирь на поселение...

Прошла неделя, за ней наступила другая, а Наина все не возвращалась из города. Родители Федора начали беспокоиться. К тому же Аксинья постоянно спрашивала бабушку, когда приедет ее мама, на что последняя отвечала, что у мамы много дел в городе, и они скоро увидятся. В один момент, когда девочка играла во дворе, Степанида Герасимовна вызвала мужа на разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.